

ПРОЦЕСС
группы шпионов
и агентов-диверсантов
на службе
фашистской клики ТИТО

ОТДЕЛ ПЕЧАТИ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ТИРАНА 1950

Электронная версия книги
подготовлена сайтом
<http://www.enverhoxha.ru>

ПРОЦЕСС

ГРУППЫ ШПИОНОВ И АГЕНТОВ-
ДИВЕРСАНТОВ НА СЛУЖБЕ
ФАШИСТСКОЙ КЛИКИ ТИТО

ОТДЕЛ ПЕЧАТИ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ТИРАНА

1950

В пятницу 29 апреля 1950 г., в зале кинотеатра имени 17 ноября, началась сессия Верховного военного трибунала для суда над группой агентов-диверсантов на службе фашистской клики Тито.

Председатель суда подполковник Шуаип Панарити объявляет судебное заседание открытым.

Председатель: Верховный военный трибунал будет рассматривать дело по обвинению группы агентов-диверсантов в преступной деятельности против целостности государственного строя и внешней безопасности Народной Республики Албания, действовавших по поручению югославской УДБ.

Удостоверившись в присутствии обвиняемых, председатель трибунала подполковник Панарити объявляет состав суда.

За судейским столом, рядом с ним, помещаются капитан Нонда Папули и капитан Хидай Бейо. Обвинение представлено военным прокурором Народной Республики Албания Сири Чарчани.

После опроса обвиняемых и защиты, не имеют ли они заявлений об отводе состава суда, председатель переходит к установлению самоличности обвиняемых. Он обращается к обвиняемому Пренгу Дода.

Председатель: Как вас зовут? Имя вашего отца и матери? Сколько вам лет и где вы рождены? Ваше местожительство? Женаты или нет и есть ли у вас дети? Где работаете? Были ли когда-нибудь осуждены? Кого хотите иметь защитником?

Обвиняемый Пренг Дода: Мое имя ПренгДода, моих родителей зовут Николай и Даве; мне 26 лет и я родился в селе Перлат, района Бюррель; живу в г. Шкодер, женат и имею ребенка; работаю в Красном Кресте в Шкодере; я окончил пять классов средней школы, никогда не был осужден; меня арестовали 6 апреля 1949 г., выбираю защитником адвоката Кочо Дило.

Председатель вызывает затем подсудимого Азиса Кара для установления его личности.

Подсудимый Азис Дара: Мое имя Азис Кара, моих родителей зовут

Назим и Фатъма; мне 34 года, уроженец села Зайс, района Бюррель, и не женат; по профессии я земледелец, получил начальное образование, отбыл воинскую повинность во времена владычества Зогу и никогда не был осужден; арестован 6 апреля 1949 г.; своим защитником выбираю адвоката Кочо Дило.

После Азиса Кара наступает очередь подсудимого Тоди Коровеши, отвечающего на вопросы председателя.

Подсудимый Тоди Коровеши: Моих родителей зовут Томас и Калие, мне 22 года, я уроженец села Бредждан, района Берат, и не женат; прошел 2 курса университета, не был никогда осужден; арестован 16 октября 1949 года; выбираю себе защитником адвоката Аристида Тотозани.

Следующему обвиняемому Арифу Дука, родившемуся в селе Штушай района Шупенза, от родителей Рамадана и Рабии, и проживающему в Югославии, 38 лет. Он югославский подданный, родом из Албании, женат и имеет 4-х детей. Крестьянин-средняк, неграмотный, он отбыл воинскую повинность и не был никогда осужден; его арестовали 19.VI.1949 г.; защитником он выбирает себе адвоката Аристида Тотозани.

После Арифа Дука на вызов председателя отвечает обвиняемый Ник Прес Рудай, 33-х лет, родившийся в селе Штой, района Улкин (Югославия), от родителей Прек и Прене. Он тоже югославский подданный, родом албанец, женат, но детей не имеет. Это богатый крестьянин, неграмотный, отбывший воинскую повинность, неосужденный; арестован 7.X.1949 г., защитником выбирает адвоката Кол Димитри.

Последнему подсудимому — Мухаррему Язеджиу, рожденному в селе Верлен, района Корча, от Демиралы и Арифы, 30 лет; родом из бедных крестьян, он по профессии хлебопашец, ставший ныне рабочим, и проживает в Тиране; получил начальное образование и отбыл воинскую повинность; арестован 18 августа 1949 г., выбирает защитником адвоката Кол Димитри.

Окончив опрос подсудимых, председатель призывает защитников добросовестно отнестись к выполнению своей задачи, после чего передает слово прокурору, подполковнику Чарчани, приступающему к оглашению обвинительного акта.

Обвинительный акт

Обвинительный акт по делу о преступной деятельности группы агентов-диверсантов на службе титовской клики против Народной Республики Албания, составленный прокурором Народной армии и препровожденный Верховному военному трибуналу.

В ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

ТИРАНА

При сем препровождаю следственные материалы по делу Пренга Дода, Азиса Кара, Арифа Дука, Тоди Коровеши, Ника Прес Рудай и Мухаррема Язеджи, обвиняемых в преступлениях против целостности государственного строя и внешней безопасности Народной Республики Албания, прилагаю заключения протоколов следствия и нижеследующий

Обвинительный акт

Предъявляю обвинение:

I. ПРЕНГУ ДОДА, 26-ти лет, родившемуся в Перлате, района Бюррель, от родителей Николая и Даве и проживающему в Шкодере:

а) в совершении военных преступлений, предусмотренных статьей 3, пунктом 3 закона No. 372 от 12.XII.1946 г. о правонарушениях, направленных против народа и государства;

б) в поступлении на службу югославской УДБ в качестве агента белградской фашистской клики и в преступной деятельности против народа и государства, угрожающей внешней безопасности родины, т. е. в преступлении, предусмотренном статьей 2 того же закона;

в) в пропагандной и агитационной деятельности, имеющей целью насильственное свержение существующего строя, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 3 того же закона;

з) в шпионаже, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 3, пунктом 10 того же закона;

д) в растрате денежных сумм и в содействии незаконному обогащению третьих лиц за счет общественной организации, выразившихся в нанесении ущерба отделению Общества Красного Креста в Шкодере в размере 18 000 (восемнадцать тысяч) лек.

2. АЗИСУ КАРА, 34-х лет, родившемуся в селе Зайс, района Бюррель, от родителей Назима и Фатмы:

а) в военных преступлениях, предусмотренных ст. 3, пунктом 3 закона No. 372 от 12.XII.1946 г. о правонарушениях, направленных против народа и государства;

б) в поступлении на службу югославской УДБ в качестве агента белградской фашистской клики и в преступной деятельности, угрожающей внешней безопасности родины, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 2 того же закона;

в) в пропагандной и агитационной деятельности в целях насильственного свержения существующего строя, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 3 того же закона;

з) в шпионаже, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 3, пунктом 10 того же закона.

3. ТОДИ КОРОВЕШИ, 22-х лет, сыну Томаса и Калие, рожденному и проживающему в селе Бредждан, района Берат:

а) в поступлении на службу югославской УДБ в качестве агента фашистской клики Тито и в преступной деятельности против народа и государства, угрожающей внешней безопасности родины, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 2 того же закона;

б) в шпионаже, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 3, пунктом 10 того же закона.

4. НИКУ ПРЕС РУДАЙ, 33-х лет, родившемуся от родителей Прек и Прене в селе Штой, района Улкин, и проживающему там же, югославскому подданному, родом из Албании:

а) в преступных действиях против целостности государственного строя и внешней безопасности Народной Республики Албания, совершенных в качестве агента югославской УДБ, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 2 того же закона;

б) в убийстве сержанта албанской пограничной части Ндуе Марку при исполнении последним служебных обязанностей, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 3, пунктом 12 того же закона;

в) в ввозе и попытке к вывозу крупной суммы в денежных знаках, превышающей законное количество, в нарушение постановления Мини-

стерства финансов за No. 16 от 23/XI/1946 г. о применении ст. 15 закона No. 373 от 12/XII/1946 г.

5. АРИФУ ДУКА, 38-ми лет, сыну Рамадана и Рабии, родившемуся в селе Штушай, района Шупенза, и проживающему в Югославии, югославскому подданному, родом из Албании:

в попытке, в качестве агента югославской УДБ, к совершению преступных актов, направленных против целостности государственного строя и внешней безопасности Народной Республики Албания, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 2 закона No. 372 от 12/XII/1946 г. в связи со ст. 21 Уголовного Кодекса.

6. МУХАРРЕМУ ЯЗЕДЖИУ, 30-ти лет, рожденному в селе Верлен, района Корча, от родителей Демиралли и Ариффы, и проживающему в Тиране:

а) в поступлении на службу югославской УДБ в качестве агента белградской фашистской клики и в преступной деятельности против народа и государства, угрожающей внешней безопасности родины, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 2 названного закона;

б) в содействии бегству враждебных элементов за границу, т. е. в преступлении, предусмотренном тем же законом.

Пренг Дода, еще в молодости, избрал себе антинародную и ненавистную профессию жандарма. В 1939 году итальянцы его отправляют в Рим, на курсы карабинеров. Вернувшись из Италии в мае 1940 года квалифицированным жандармом, он занимает ряд должностей всегда специального характера. За свои заслуги его производят в чин капрала. Верный фашизму, он служит ему, как преданный пес, до самой капитуляции. С появлением в стране немецких фашистов, он не задумавшись поступает на службу гестапо. Последняя, оценив полезную работу обвиняемого, дважды посылает его на курсы квалификации в Гамбург. Окончив курсы, Пренг становится членом национал-социалистической партии. Его производят в унтер-офицеры, а позднее в старшие унтер-офицеры гестапо. На этом посту Пренг совершает ряд военных преступлений и террористических актов против албанского народа и жителей Косово, куда наезжает вместе с немецкими террористическими отрядами СС для выполнения специальных поручений.

Когда гитлеровская Германия, под грозными, неумолимыми ударами героической Красной Армии, дошла до последнего издыхания, Пренг Дода, чтобы избежать народного суда, меняет тактику и скрывается. Он тайно бросает службу и некоторое время не показывается. К концу 1944 г. ему удается проникнуть в ряды национально-освободительной армии. В армии, благодаря развитию военных операций, Пренг временно избегает проверки и, используя обстановку, добивается чина младшего лейтенанта. В Корче, где в то время находится его часть, Пренг Дода встречает югославского майора Байо. Последний, узнав старшего унтер-офицера гестапо, человека, который ему нужен, вербует его своим агентом.

Спустя некоторое время мрачное прошлое и преступная деятельность

Пренга Дода приобретают огласку и его исключают из армии. Он отправляется в Шкодер, где становится сотрудником Красного Креста. После вскрытия предательства титовской клики, агент майора Байо продолжает работать на своего хозяина. Он следит за белградской радиопередачей, развивает пропагандную деятельность и уговаривает разных лиц переходить в фашистскую Югославию. Так продолжается до 12 марта 1949 года. Заметив, что органы государственной безопасности установили за ним слежку, растратив и воспользовавшись денежными суммами, принадлежавшими отделению Красного Креста в Шкодере, Пренг Дода, вместе с Азисом Кара, бежит в Югославию. Там он переходит в распоряжение УДБ и борется против Народной Республики Албания.

Азис Кара, начиная с 1939 г. и по 1943 год, служил в Риме, в императорской гвардии, охраняя, как преданный пес, Виктора Эммануила в его дворце. За верную службу он получил чин сержанта. По возвращении в Албанию, его назначили заведующим тюрьмой при квестуре Тираны с сохранением чина. На этой должности Азис Кара, вместе со своими приспешниками палачами Маном Кукалешу, Яни Кристо и другими, подвергал страшным пыткам борцов за свободу. После капитуляции фашизма, он так же как и его приятель Пренг Дода скрылся. Со вторжением немцев в страну, Азис вновь выплывает в роли начальника банды наемников, в чине младшего лейтенанта, и ведет до последнего момента борьбу на стороне гитлеровцев против национально-освободительного движения.

К концу декабря 1944 г. Азис Кара поступает в партизанский отряд и путем обмана, скрывая свое прошлое, добивается офицерского чина. Спустя некоторое время, изгнанный из армии, он перебирается в Шкодер в поисках работы. Там Азис Кара встречается со своим другом Пренгом Дода, которого знает с детства. По предложению последнего они оба бегут в фашистскую Югославию.

В пути Пренг Дода порывается убить некоего встречного молодого человека, чтобы отобрать у него револьвер, но страх не позволяет ему выполнить намерения. Окруженные пограничниками, беглецы под прикрытием темноты спасаются от преследования и переходят границу Югославии. В Подгорице они являются в УДБ и поступают в распоряжение югославской охраны. За вознаграждение они передают агентам УДБ политические, экономические и военные информации. По прошествии нескольких дней Пренг Дода и Азис Кара, по приказу и указанию майора, начальника УДБ в Подгорице, тайно переправляются в Албанию с заданием отвести в Шкодер пропагандный материал, собрать разные сведения, повести агитацию в пользу титовской Югославии и захватить с собой новых беглецов. Агентам УДБ были выданы ручные гранаты с приказом прибегать к ним при встрече с албанскими солдатами и, не задумываясь, убивать. Через два дня под судимые прибыли в Шкодер. Пока Пренг Дода развозил по городу материал, Азис Кара, дождавшись полуночи, отправился в отделение Мини-

стерства внутренних дел и отдал себя в распоряжение властей. В ту же ночь органы государственной безопасности арестовали и бандита Пренга Дода.

Тоди Коровеши, еще во время своего пребывания студентом в Праге, вошел в связь с югославским посольством и стал его агентом информатором. Он тайком ходил в югославское посольство для передачи информации и за получением инструкций. Заметив за собой слежку, Тоди Коровеши, по совету посольства, решил бежать в Югославию. Перед отъездом ему удалось распропагандировать и уговорить студентов Ставра Профкола и Димитера Гьерго бежать вместе с ним. 28 апреля 1949 года, получив от югославского посольства необходимые акты, все трое бежали в Югославию.

В Белграде они связались со служащими Министерства внутренних дел Иво и Драгеличем (агентами УДБ), которым передали все требуемые информации. Позже их допрашивал заместитель министра культуры Флор и получил от них ряд сведений. Затем их передали в распоряжение Рады Зименович, некогда преподававшей сербский язык в средней школе Тираны. Рада Зименович тайный агент УДБ при Министерстве культуры, занимающая для видимости должность „референта по вопросам культуры“. Ей поручено наблюдать за иностранными студентами и, главным образом, албанскими. После целого ряда испытаний и усердного труда, офицер УДБ, по имени Иован, завербовывает Тоди Коровеши своим агентом. Он заставляет его подать заявку о сотрудничестве, которую Тоди подписывает под псевдонимом „Дайти“. С этого времени агент Дайти получает всевозможные поручения и должен вести слежку и наблюдение за албанцами, проживающими в Белграде, особенно за персоналом посольства. Под видом заключенного и в роли провокатора его посылают в тюрьмы Ранковича, в которых томятся коммунисты-интернационалисты и честные патриоты, на которых он клеветает. Дайти, по наущению УДБ, делает даже попытку стать двойным агентом, с каковой целью старается сблизиться и заслужить доверие товарищей из албанского посольства. В конце концов Иован хочет заставить своего агента вызвать открытую ссору со служащими албанского посольства, спровоцировать скандал и, воспользовавшись замешательством, стрелять в служащих. За такую услугу представитель УДБ обещает агенту Дайти офицерский чин и пользование автомашиной. Наконец, следуя полученным от хозяев инструкциям и желая еще больше услужить белградским троцкистам, Тоди Коровеши переносит свою деятельность на территорию Албании.

Ник Прес Рудай, старый агент югославской охранки, был послан одновременно с обоими своими товарищами в Албанию. Ему поручено было совершить ряд диверсионных актов и провести обмен крупной денежной суммы. На обратном пути, на границе, он был обнаружен пограничниками. На требование сержанта пограничных войск Ндуе Марку сдаться, Ник ответил огнем и убил сержанта. Вскоре после этого его нашли раненым и задержали.

Ариф Дука, член организации Балли Комбетар и жандарм Хисни

Дема, участвовал в сражениях против партизан. Позднее он поступил на службу УДБ. По поручению ранковичского лейтенанта Стафа Ллеша, он вместе с другими шпионами и диверсионными агентами тайно перешел албанскую границу с заданием распространить пропагандный материал, совершить ряд диверсионных актов и развернуть подрывную и террористическую деятельность.

Мухаррем Язеджиу, старый гвардейский солдат Виктора Эммануила, наемник Балли Комбетара, бежал в Югославию в декабре 1948 г. и стал там агентом югославской УДБ. Получив соответствующие инструкции, он был послан в Албанию, как агент-диверсант. В Албании Мухаррем Язеджиу повел деятельную подрывную работу против существующего строя, занимался подстрекательством недовольных элементов, пострадавших от реформ, и побуждал их бежать в Югославию. Он лично помог многим лицам перейти границу.

Преступная деятельность названных агентов была организована и проведена по инициативе и под руководством югославских фашистов — кровавой охраны (УДБ) Ранковича. Белградские фашисты — агенты империализма — не отказались от своих преступных замыслов, от уничтожения Народной Республики Албания и превращения ее в свою колонию. Для достижения своих преступных целей они обратились к методам гестапо. Они вербуют отбросы прежних агентов фашизма вроде Пренга Дода и ему подобных и используют их для борьбы против нашей народной власти. Провокационные действия, диверсионные акты и преступления, — вот оружие, которым они вооружают своих агентов. По этому поводу в протоколе допроса Тоди Коровеши имеется следующее заявление обвиняемого:

— Иован сказал мне: „Пойди в албанское посольство, спровоцируй служащих, скажи им, что они жалкие авантюристы и тому подобное, чего я точно не припомню, и стреляй в них из револьвера. Только после того, Тоди, мы будем тебя считать действительно своим, дадим тебе машину и ты станешь офицером“.

А вот, что показал на допросе обвиняемый Ариф Дука:

— Стаф (агент УДБ) обещал дать мне оружие, спутников, деньги, продовольственные продукты и одежду для моей семьи, а также все необходимое для пропаганды и преступной деятельности в Албании, манифесты и листовки для разбрасывания по селам и улицам городов, для расклейки, на стенах мечетей и школ. „Даю тебе полную свободу поступать так, как тебе вздумается, убивать офицеров, солдат и служащих, рвать телефонные провода и делать все возможное“, — сказал он мне.

Указанные обвинения основаны на выводах следственных протоколов, на признании подсудимых, на материальных доказательствах — пропагандных манифестах, разбрасывавшихся обвиняемыми, пойманными с поличным, — и на показаниях свидетелей, на которые мы будем ссылаться в ходе судебного

разбирательства. Поэтому предъявленные против подсудимых обвинения имеют законную силу.

Несмотря на то, что рассмотрение этого дела в первой инстанции входит в компетенцию военных трибуналов, я прошу Верховный военный трибунал, на основании постановлений ст. 12, пункта 2 закона № 372 от 12/ХП/1946, приступить непосредственно к разбору настоящего дела в первой и последней инстанции и, после установления виновности подсудимых, вынести приговор в соответствии с указанными постановлениями.

ПРОКУРОР НАРОДНОЙ АРМИИ
(подполковник Сири Чарчани)

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО АЗИСА КАРА

Председатель: Подсудимый, вы поняли сущность обвинения?

Азис Кара: Да.

Председатель: Признаете себя виновным?

Азис Кара: Я признаю себя виновным только в преступной деятельности против народа и государства на службе у югославской разведки (УДБ); я отрицаю обвинение в совершении военных преступлений.

После этого председатель доводит до сведения обвиняемых решение трибунала, касающееся процедуры разбирательства дела, и разъясняет им, что в ходе судебного следствия допрос будет вести прокурор.

Председатель: Передаю слово прокурору.

Прокурор: Обвиняемый, чем вы занимались в 1939 году?

Азис Кара: В сентября 1939 года итальянское военное командование отправило меня в Рим в качестве начальника гвардейского взвода в чине капрала, а позднее сержанта. Мне была поручена охрана королевского дворца. На этом посту я пробыл без перерыва до апреля 1943 года.

Прокурор: Где вы после этого служили?

Азис Кара: После 19 апреля 1943 года я вернулся в Албанию и был назначен в чине старшего сержанта в квестуру. В этой должности я пробыл до конца июля 1943 года.

Прокурор: В чем заключалась ваша работа в квестуре и назовите суду имена ваших коллег и сотрудников?

Азис Кара: Мне была поручена охрана тюрьмы при квестуре, а затем инструкторская работа. Моими сотрудниками были Папалило, старший сержант Селими, Ман Кукалеш и Яни Кристо. Я не вел с ними политических бесед и меня, как и их, интересовала только служба.

Прокурор: Принимали ли вы участие совместно с Маном Кукалеш и его сообщниками в арестах, убийствах и пытках?

Азис Кара: Нет.

Прокурор: Когда вы служили в итальянской квестуре?

Азис Кара: В 1943 г.

Прокурор: Стало быть в период обострения вооруженной борьбы нашего народа против оккупантов, когда в итальянской квестуре и в тюрьме, от которой ключи хранились у вас, убивали и терзали самым зверским образом сыновей албанского народа, боровшихся за свободу. Скажите, обвиняемый, кого вербовала на службу итальянская квестура?

Азис Кара: Молчит.

Прокурор: В ту пору, товарищи судьи, итальянская квестура вербовала и пользовалась исключительно услугами преступников, преданных ей и беспощадных вроде Азиса Кара и ему подобных.

Обращаясь к обвиняемому: Скажите Азис Кара, когда вы покинули квестуру и кто ушел с вами?

Азис Кара: Я бросил квестуру за несколько дней до капитуляции Италии, в момент, когда мои хозяева очутились в безвыходном положении. Я понимал уже тогда, что стал на неправильный путь. Со мною бежало несколько полицейских агентов, но я не помню их имен.

Прокурор: Куда вы затем отправились?

Азис Кара: К себе в деревню, где я занялся сельским хозяйством. По дороге мне попадались партизанские отряды, но я не присоединился ни к одному из них.

Прокурор: Где вы находились в октябре 1943 года?

Азис Кара: В октябре я приезжал случайно в Тирану за солью. В Тиране я встретился с майором Риза Сельмани, бывшим комиссаром квестуры столицы, предложившим мне остаться у него на службе; он намеревался сформировать 4 батальона наемников, оплачиваемых помесечно. Будущая организация носила название „Военного объединения“ и ею должен был командовать Селами Чела. Риза Сельмани дал мне указания как наблюдать за вербовкой этих башибузуков, поручил сформировать роту под своей командой и обещал мне чин младшего лейтенанта.

Прокурор: Что представляли собой эти батальоны и откуда они должны были получить оружие?

Азис Кара: Батальоны должны были формироваться с согласия немцев, на средства немцев и быть вооружены немцами.

Прокурор: Вы лично, Азис, вы подчинились этой директиве?

Азис Кара: Я известил об этом брата Джемал Кара, который немедленно прислал мне из района Мирдита человек 50—60. Из них я сформировал роту. Другая рота, численностью в 70—80 человек, была сформирована неким Измаилом Дибра, третья, численностью в 50—60 человек, — младшим лейтенантом Марка Кола, и четвертая, в составе 30—40 человек, — младшим лейтенантом Пал Марка Ллеша. Из этих наемников мы образовали батальон под начальством квестора майора Риза Сельмани. По приказу Риза Сельмани я был назначен командиром роты в чине младшего лейтенанта.

Прокурор: С какой целью были созданы эти батальоны и какие задания они должны были выполнить?

Азис Кара: Как я уже заявлял, они были созданы на средства немцев, но со скрытой целью ударить в спину немцам.

Прокурор: Вы утверждаете, что собирались обмануть немцев, получить у них оружие и обратить его против них? Что же, выступили ли вы против немцев?

Азис Кара: Нет.

Прокурор: Долго ли просуществовала эта антинародная организация?

Азис Кара: Нет, потому что с конца ноября или начала декабря 1943 года в Тиране был убит наш командир Селами Чела.

Прокурор: Кто его убил?

Азис Кара: Говорят, что его убили Хисни Дема и генерал Пренг Превизи из-за несогласий, существовавших между ними и другими главарями. После убийства Селами Чела весь сформированный нами батальон разбежался. Оклады были выплачены только унтер-офицерам и солдатам.

Прокурор: Где вы затем очутились?

Азис Кара: После расформирования батальона я отправился домой и пробыл дома до 15 июля; возвратившись обратно в Тирану, я встретился с капитаном Марком Арапи, бывшим старшим унтер-офицером штурмового батальона. Я высказал ему желание снова поступить в войска захватчиков и спросил на какой чин могу рассчитывать. Я согласился поступить сержантом в батальон, которым командовал майор Исуф Гьилбегай из Шкодера. В батальоне я эффективно прослужил до сентября месяца 1944 г. Незадолго перед тем, согласно полученным инструкциям, нас погрузили в автомашины и отправили по направлению к Гьорми. Мы прибыли в Селиту и Кеке, в распоряжение генерала Пренга Превизи, окруженного тремя англичанами. В Велаже, не выдержав неустойчивого напора народно-освободительной армии, наш батальон был разбит, и мы разбрелись в разные стороны.

Председатель: Скажите нам, Азис Кара, какова была роль англичан, находившихся при генерале Пренге Превизи?

Азис Кара: Англичане пытались организовать реакционные силы для борьбы против партизан.

Прокурор: Какое задание было поручено генералу Пренгу Превизи?

Азис Кара: Он должен был собрать разрозненные силы реакции и бросить их против партизан.

Прокурор: Где находится сейчас генерал Пренг Превизи?

Азис Кара: Не знаю.

Прокурор: На этот вопрос я могу ответить, обвиняемый. Военный преступник генерал Пренг Превизи пользуется в настоящее время гостеприимством англо-американских империалистов.

Прокурор: После разгрома башибузуков генерала Превизи вы вернулись домой. Сколько времени были вы дома? Прошли ли через ваш район партизанские отряды и мобилизовали ли они вас в свои ряды?

Азис Кара: Я оставался дома и занимался сельским хозяйством до ноября 1944 г.

В декабре меня мобилизовали в национально-освободительную армию, где мне удалось получить чин младшего лейтенанта. Этот чин я сохранил до июля 1948 года, когда, узнав о моем мрачном прошлом и услугах, оказанных оккупантам и шайке квислингов, меня исключили из армии.

Прокурор: Как вы отнеслись к исключению из армии?

Азис Кара: Оно было справедливым, но вызвало во мне недовольство, перешедшее потом в ненависть к народной власти. Это происходило в пору опубликования Резолюции Информбюро, разоблачавшей предательскую деятельность Тито и его клики, изменивших делу демократии и социализма, и послужило мне поводом дать волю своим чувствам. Пренга Дода я знал с детства и верил ему; мне хорошо было знакомо его шпионское прошлое, о котором я буду говорить дальше, и я знал, что он по той же причине и почти в одно и то же время со мною был исключен из армии. Помню, как находясь в одной с ним части, мы сетовали на свою судьбу. Мы оба добились более высоких чинов. Я недоволен был отказом в принятии в партию. Недовольство Пренга усилилось после того, как его сместили с должности, а потом исключили из партии и из армии.

Прокурор: Что представлял собой Пренг Дода и что вы знаете о нем и о его прошлом?

Азис Кара: Я уже говорил, что знаю Пренга Дода с детства. Я сошелся с ним ближе в Корче, где и он и я служили офицерами в расквартированных там частях. Во время оккупации Пренг носил форму карабинера. Он прошел школу карабинеров в Италии и вернулся оттуда в Албанию в чине сержанта, был послан в Дибру, где состоял непрерывно при итальянском генерале, имени которого я не знаю. В период германского нашествия Пренг был дважды послан на курсы квалификации при гестапо в Гамбурге. Окончив успешно курсы, он вернулся в Албанию в чине унтер-офицера германской гестапо.

Прокурор: Довели ли вы до сведения вашего начальства или же кого-либо другого прошлое Пренга?

Азис Кара: Нет.

Прокурор: Какого вы были мнения о Пренге раньше и потом, в бытность его в батальоне?

Азис Кара: Я всегда считал Пренга настоящим авантюристом и бродягой. Я знал о том, что он был очень недоволен, глубоко ненавидел и был крайне враждебно настроен по отношению к Народной Республике Албания.

Прокурор: Говорили ли вы кому-нибудь о чувствах и недовольстве Пренга?

Азис Кара: Нет, потому что я думал, что он хочет меня спровоцировать.

Прокурор: Известно ли было Пренгу Дода ваше прошлое?

Азис Кара: Нет.

Прокурор: Расскажите суду об отношениях, существовавших между вами и Пренгом Дода, и как вы намеревались действовать во вред Народной Республике Албания?

Зис Кара: После демобилизации я снова встретился с Пренгом Дода в Шкодере, где он работал в Красном Кресте. 12 марта 1949 года Пренг пригласил меня к себе обедать. После обеда, заговорив со мной о моем положении и моих взглядах, он стал, не стесняясь, высказываться отрицательно, языком врага, о конституционном строе республики.

Прокурор: Что же он вам сказал и о чем вы говорили?

Зис Кара: Мы говорили о положении в Албании, ставшим довольно критическим после разрыва союза с Югославией. Мы считали, что Албания должна неминуемо включиться в состав Югославии, что она не может существовать без нее и что в скором времени произойдет изменение в положении Албании. Но мы не обсуждали форм слияния Албании с Югославией, ни того, каким образом изменится это положение. Пренг связывал политическую сторону этого вопроса со своей личной точкой зрения и излил мне подробно свое недовольство; чтобы вызвать во мне возмущение, он напомнил мне об обращении со мной, об исключении из армии и о незначительной должности, которую я там занимал. Его высказывания против власти и в пользу Югославии продолжались почти три часа. Тогда же Пренг мне признался в том, что органы государственной безопасности установили за ним слежку. Несколькими днями раньше в его доме был сделан обыск и у него отобрали револьвер. Как я понял, а это я объясню дальше, у Пренга были давнишние связи с Югославией. „Тебе и мне, сказал он, нет больше места в Албании, нам надо искать убежища в Югославии. Мы перейдем на службу Югославии и будем пользоваться ее поддержкой. Нам дадут хорошие места в армии и управлении“. Пренгу удалось убедить меня. Я принял предложение и дал слово бежать. На мои упорные старания узнать, как думает он установить связь с Белградом и наладил ли он уже связь, Пренг ничего не отвечал, давая мне понять, что это его дело и что, если я соглашусь следовать его директивам, все будет устроено. На мой вопрос существует ли в Албании организация, работающая в пользу Югославии, на ее средства, последовал ответ „Это тебя не должно касаться“. Отвечая дальше на вопросы, Пренг сказал мне, что в Белграде мы явимся в главное командование к майору Байо Джурановичу, в свое время политическому инструктору при дивизии в Корче. По его словам он познакомился с Байо в бытность последнего в Албании и между ними завязались близкие отношения; мы могли рассчитывать на его полную поддержку. Отсюда мне стало понятным, что у Пренга была налажена связь с югославским майором. Таким образом, угрозы Пренга привели к желанной цели: я согласился пойти на измену родине и народу, бежать в Югославию и стать на службу белградских троцкистов.

Прокурор: Расскажите нам о вашей подготовке к измене и о том, как вы ее провели?

Азис Кара: Приготовления к побегу начались вечером того же дня перед полуночью. Пренг был того мнения, что нам не следовало иметь при себе оружия, которое могло бы только подвести нас при встрече с пограничными частями. В случае расспросов у нас сохранялась бы таким образом возможность объяснить пограничникам, что мы отправляемся к приятелю по имени Кол Мачи в Вермош. Затем Пренг вырвал из своей тетрадки листок, который он тут же подписал, и протянул потом мне для подписи. Я подписал листок не зная ни его содержания, ни кому он адресован. По свидетельству Пренга он был предназначен для местных органов государственной безопасности, и только по прибытии в Югославию я узнал от него подлинное содержание листа. Это было обращение к народу и должно было служить Пренгу своего рода гарантией моего сотрудничества с ним; он думал этим заставить меня последовательно выполнять принятое нами решение и отрезать мне путь к отступлению, раскаянию или же к измене.

Прокурор: По какому пути вы шли и встретили ли в дороге пограничников?

Азис Кара: В 12 1/2 часов ночи, когда город погрузился во тьму, мы двинулись по направлению к Коплику. В 6 1/2 утра, достигнув, села Байзе, района Кастрати, и не доходя до Хани и Хотит, мы свернули вправо, в обход находившегося там поблизости сторожевого поста. Вскоре мы остановились у дома одного из приятелей Пренга. Случайно проходивший возле дома агент полиции спросил, что привело нас к человеку, у которого двое сыновей изменили родине и убежали в Югославию. Пренгу удалось обмануть агента, сказавши ему, что нас мучает жажда и мы зашли попросить воды. Он прекрасно разыграл роль решительного сторонника режима, глубоко ненавидящего предателей родины, убегающих в Югославию, поступающих на службу троцкистской разведки и работающих против своего народа. Он намеренно заклеил презренный поступок обоих братьев, идущий вразрез интересам Албании. Так Пренгу удалось отвести подозрения и заслужить доверие агента.

Прокурор: После этой встречи в какую сторону вы пошли и кого вы встретили в пути?

Азис Кара: Чтобы не вызывать подозрений агента, мы пошли сначала по направлению к Вермошу, свернув спустя некоторое время вправо. Несколько дальше, в глухом месте, мы поравнялись с каким-то молодым человеком, вооруженным револьвером. Последовав за ним, Пренг в два три приема порывался броситься на человека, ударить его камнем по голове и овладеть его револьвером. Но он не решился, боясь быть схваченным и не желая терять времени. Мы быстро скрылись в лесу, окутанном туманом, из страха, чтобы молодой человек не донес на нас пограничникам. В 7 часов вечера, с трудом выбравшись из леса, мы двинулись к селу Бариллай. Там нас окружили пограничники и нам пришлось разойтись в разные стороны. Я спрятался у подножья какой-то скалы, а Пренг направился к границе. В полночь я

вышел из своего прикрития и перешел границу. Мне попался навстречу югославский патруль и, обыскав меня, повел к посту, где меня ждал Пренг.

На югославском пограничном посту нас подвергли допросу. Мы ответили на все вопросы и передали югославским властям сведения политического, экономического и военного характера. Мы им сообщили все, что знали, указав количество албанских пограничных частей, размещение сторожевых постов, численность албанских вооруженных сил, их организацию, мораль бойцов. Мы им рассказали об экономическом положении Албании, о том, как исполняются намеченные планы, каковы политические настроения албанского народа, как народ относится к разрыву сношений с Югославией и т. д. Меня затем спросили о причинах бегства и о наших целях. Пограничные власти старались выяснить наши намерения, в какой отрасли нам хотелось бы работать, биографические данные каждого из нас, чем занимались и пр. Мы снова ответили на все вопросы и показали, что были офицерами и что хотели бы поступить в югославскую армию.

Прокурор: Говорили ли вы офицерам УДБ о вашей службе в гвардии Виктора-Эммануила? Рассказали ли вы им о вашей деятельности в квестуре Тираны, о вашем сотрудничестве с палачами Папалило, Маном Кукалеш и Яни Кристо? Говорили ли вы им о том, как в операциях против партизан вы командовали ротой наемников из состава банд военных преступников майора Риза Сельмани и генерала Пренга Превизи?

Азис Кара: Да я им все рассказал.

Прокурор: Согласились ли вы выдавать государственные тайны и обязались ли вы выполнять любое поручение?

Азис Кара: Все данные военного характера, какие только могли быть мне известны, учитывая мой чин и должность, я сообщил. Когда меня спрашивали о вещах, которых я не знал, я ссылался на то, что надо было быть полковником албанской армии, чтоб отвечать на такие вопросы. Как я уже заявил, я безоговорочно перешел на службу югославской УДБ.

Прокурор: Какой они вам оказали прием? Были ли вы довольны обращением?

Азис Кара: Мы никогда не оставались на одном месте. Нас посылали с одного пункта в другой и всюду нас опрашивали и составляли об этом протокол. Мы ели в казармах вместе с солдатами, за нами непрерывно наблюдали агенты УДБ, а во время сна двери помещения, где мы спали, запирались на ключ. Мы получали солдатскую пищу. Подобный режим мне очень не нравился. Я чувствовал себя как в заключении и в отчаянии жаловался об этом Пренгу, который постоянно обнадеживал и бодрял меня; он утверждал, что такое положение будет длиться до тех пор пока мы не заслужим к себе доверия. Мы побывали в городах Туз, Беран и Подгорица. В Подгорице нас допрашивал какой-то майор, спросивший желали ли мы остаться в Югославии или вернуться в Албанию. При этом он добавил, что у него имеется возможность командировать нас в служебном по-

рядке в Италию, во Францию, в Англию или же в Америку. Я ответил, что хочу оставаться в Югославии и служить в ее армии. Тогда майор поручил мне и Пренгу отправиться в Албанию с пропагандным материалом против народной власти и республики и заняться его распространением. Позже я узнал от Пренга, что нам было поручено 4 задания: о первом я только что упомянул, второе заключалось в установлении контакта с элементами, недовольными народной властью и враждебно к ней настроенными, третье — в сборе всевозможных информаций, и четвертое — в уводе с собой желающих бежать из Шкодера в Югославию. Последнее задание было поручено и передано мне через Пренга.

Прокурор: Как обращается клика Тито с беженцами из Албании?

Азис Кара: Албанцев, укрывающихся в Югославии, заставляют работать либо информаторами, либо чернорабочими, либо присматривать за трудом заключенных на земляных работах клики Тито.

Прокурор: Возвращаясь из Берана в Подгорицу был ли еще кто-нибудь с вами в машине и кто были эти лица?

Азис Кара: С нами ехало 5 задержанных югославских граждан, среди которых югославский майор. Один из них обратился к Пренгу с вопросом кто мы. Узнав, что мы албанцы, все пятеро закричали: „Да здравствует большевистская партия, да здравствует великий Сталин, да здравствует Энвер Ходжа и албанский народ и т. д. Долой троцкистского маршала Тито!“ Их крики произвели на меня огромное впечатление: я понял, что это были убежденные коммунисты и честные патриоты.

Прокурор: Когда вы решили тайно вернуться и снова уйти из Албании?

Азис Кара: Пренг предупредил меня, что по соглашению с майором УДБ мы должны были двинуться в путь в ночь на 3-е апреля 1949 г. Он подробно разъяснил мне сущность задания, полученного от УДБ. Оно заключалось в доставке и распространении в Шкодере и Пешкопи всевозможного пропагандного материала, в расклеивании плакатов на стенах, в разбрасывании на улицах листовок и в раздаче брошюр недовольным и враждебно настроенным к власти элементам.

Прокурор: Назовите имена тех, с кем вы должны были работать в Албании?

Азис Кара: Пренг скрывал имена; я знал только о предстоящем контакте с определенными лицами согласно инструкциям, которые будут даны Пренгом впоследствии.

Прокурор: Вы согласились выполнять директивы, данные вам Пренгом?

Азис Кара: Да, согласился.

Прокурор: Вы ничего не сказали о том, рассчитывали ли вы получить вознаграждение от югославских троцкистов и обещали ли они вам его?

Азис Кара: По словам Пренга, в случае успешного выполнения задания, мы должны были заслужить доверие югославской разведки; майор обе-

шал ему зачислить нас в кадры офицеров охранной службы, дать нам всевозможные привилегии, высокую зарплату, право на хорошую квартиру, гостиницу и рестораны.

Прокурор: Расскажите как вы перешли югославскую границу и как возвращались снова в Албанию? Какой вы имели при себе пропагандный материал. Выдала ли вам югославская разведка (УДБ) оружие и пр.?

Азис Кара: 4 апреля 1949 г., после обеда, нас позвали в отделение разведки в Подгорице, где лейтенант уже заготовил для нас пищевые припасы на дорогу, две пары резиновых сандалий, две сумки, набитые пропагандным материалом, две ручные гранаты и 4000 лек. Мы расписались в получении указанных предметов. На нашу просьбу выдать нам еще и оружие, лейтенант ответил отказом, пояснив, что в подобных случаях следует отдавать предпочтение ручным гранатам. В тот же вечер, в 8 часов, автомашина городского исполкома, в которой находились лейтенант разведки и некий албанец в штатском, по имени Пьетер Гьони, доставила нас к границе недалеко от Туза. Из Туза лейтенант повернул обратно, а агент, занимавшийся переправкой диверсантов в Албанию, повел нас через границу в обход пограничников. На следующее утро мы добрались до села Бардай и провели весь день, укрывшись, в горах. В 7 часов вечера мы продолжали путь, держа курс на Шкодер. Пока мы выжидали темноты на горе Бардай, я пытался уговорить Пренга отказаться от плана и передать себя в руки албанских властей; я доказывал ему, что мы поступаем подло, изменяем родине. Но он был неумолим, ответил, что сдается только мертвым, посоветовал и мне бросить эту мысль, потому что албанские власти, схватив нас, неминуемо расстреляют. Однако, боясь упорства с моей стороны, он отобрал у меня данный мне пропагандный материал.

Указывая обвиняемому на два мешка, наполненных листовками и прочим подпольным материалом троцкистского толка, и на две ручные гранаты, прокурор спрашивает обвиняемого узнает ли он предметы, полученные от югославской разведки для незаконного распространения в Албании.

Азис Кара: Да, это материал и гранаты, выданные нам майором УДБ. Они были отобраны у Пренга.

Прокурор: Был ли Пренг уверен в том, что вы решили сдаться? Назначил ли он вам место встречи?

Азис Кара: Мне удалось убедить в конце концов Пренга в моем отказе от этого решения, и я пообещал ему быть в 3¹/₂ часа утра в условленном месте, в лесу. Перед уходом Пренг наказал мне, в случае своей неявки в назначенное время, вернуться обратно в Югославию. Если бы он оказался пойманным, мне надлежало распространить материал. В час ночи, когда в городе потухли огни, Пренг нагрузил на себя материал и пошел на работу. Вскоре после его ухода я отправился в городское отделение государственной безопасности и отдался властям. Я подробно рассказал начальнику отделения весь пройденный мною путь и выдал своего сотрудника Пренга Дода. По

моим указаниям начальник отделения с 30 агентами явились на место встречи, и в условленный час Пренг был схвачен.

Прокурор: Еще один последний вопрос. Можете ли вы нам сказать в каком положении оставил после себя Пренг кассу отделения общества Красного Креста?

Азис Кара: Пренг растратил казенные деньги. Он выдал без всякого права 12 000 лек какому-то крестьянину, потому что он ему покровительствовал. Таких случаев было несколько. О них мне рассказывал сам Пренг, в пути, во время бегства в Югославию.

Прокурор: Товарищ председатель, я закончил допрос обвиняемого.

Председатель: Товарищи судьи, желаете ли вы задать вопросы подсудимому?

Судьи не имеют вопросов.

Желает ли защита задать вопросы подсудимому?

Адвокат Пило: Товарищ председатель, пусть обвиняемый скажет состоял ли он в политическом отделе и присутствовал ли он при убийствах и пытках в квестуре?

Председатель: Отвечайте, Азис Кара.

Азис Кара: Я был начальником политической и уголовной тюрьмы, но не участвовал в убийствах и пытках. Правда, однажды, в моем присутствии старший сержант Селами избил одного коммуниста до смерти.

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО ПРЕНГА ДОДА

Председатель: Пренг Дода, вы получили обвинительное заключение?

Пренг Дода: Да, я получил.

Председатель: Признаете себя виновным?

Пренг Дода: Да, признаю, но отвергаю обвинение в связи с югославским майором Байо Джурановичем.

Председатель предоставляет слово прокурору.

Прокурор: Правда ли, что вы были карабинером на службе фашистской Италии?

Пренг Дода: Да. Я учился в Италии и, окончив школу карабинеров, вернулся в Албанию.

Прокурор: В каком чине?

Пренг Дода: В чине унтер-офицера.

Прокурор: Правда ли, что в Гамбурге вы прошли курс специальной школы СС при гестапо?

Пренг Дода: Да.

Прокурор: Окончили ли вы школу и применили ли в практике приобретенные знания? В какой чин произвели вас немцы?

Пренг Дода: Я прошел два разных курса и по распоряжению германского командования вернулся в Албанию в чине старшего унтер-офицера.

Прокурор: Расскажите суду подробно о вашей жизни начиная с апреля месяца 1939 года.

Пренг Дода: В 1939 году, после того как итальянские фашистские войска заняли Албанию, для меня открылась возможность поехать в Рим и поступить в школу карабинеров. В Риме я пробыл до окончания школы, до 1940 года, после чего вернулся в Албанию карабинером. До 1943 года я был в войсках карабинеров, в районных комендатурах Коплика, Приштина и Шкодера. В 1943 году, не помню точно числа, меня перевели в Дибру с прикомандированием к начальнику итальянской дивизии генералу Аззи, при котором я состоял до капитуляции Италии.

После капитуляции Италии, когда немцы стали хозяевами положения в Албании, я перекочевал в Рестуш. Там я подал заявку на поступление в жандармскую часть в чине сержанта. Не получив никакого назначения, я отправился в Призрен. По дороге меня захватили немцы и отправили в Софию. В Софии они надели на меня немецкую форму и спустя некоторое время послали в Германию, в Гамбург.

Узнав, что я бывший карабинер и жандарм, окончивший курсы карабинеров в Риме, немцы определили меня на особые курсы секретной службы СС в Гамбурге. По окончании курсов я был послан в чине унтер-офицера на Балканы, сначала в Софию, а потом в Скопие. После краткого пребывания на Балканах германское командование послало меня снова в Германию, на новые курсы СС, дающие право на чин старшего унтер-офицера — самый высокий чин младшего командного состава.

Прокурор: Чему вы обучались в школе в Гамбурге?

Пренг Дода: Мы специализировались в контрразведывательной работе. На фронте нас заставляли следить за дезертирством солдат, обнаруживать и вылавливать врагов нацизма, проникавших в германскую армию, вскрывать и предотвращать покушения против главарей национал-социалистической партии и пр. Успешно закончив курс, я получил удостоверение в принадлежности к полиции СС. Немцы отнеслись ко мне с доверием и предложили записаться в национал-социалистическую партию, о чем я сделал заявку и выполнил необходимые формальности, но не успел получить партийного билета. Немцы разрешили мне поехать на праздники Рождества в Албанию, откуда я больше не вернулся в Германию. Я выполнял все задания, которые мне поручали немцы. Что же касается доверия, которым я у них пользовался, и желания принять меня в партию, то мне кажется, что мною не было проявлено особой преданности, заслужившей мне такое отношение.

Прокурор: Когда вы вернулись в Албанию и почему?

Пренг Дода: Получив 15-дневный отпуск от немецкого командования, я вернулся в Албанию в декабре 1943 года. Я уже не верил больше в победу Германии и видел надвигающийся конец немцев. По окончании отпуска, один мой приятель, жандарм, сообщил мне, что меня вызывают в не-

мецкую комендатуру. Мне удалось скрыться до июля 1944 года, до вступления I-ой штурмовой бригады народно-освободительной армии в район Бюреля. Вместе с моими односельчанами я был мобилизован бригадой и получил ряд серьезных и ответственных заданий. В том же 1944 году мне удалось заслужить офицерский чин, записаться в партию и стать ее членом.

Прокурор: По каким мотивам вас исключили из партии и из армии?

Пренг Дода: Из-за моего прошлого, ставшего известным, из-за прохождения курсов секретной службы в Италии и Германии. После исключения я получил назначение в Красный Крест в Шкодере, где работал до своего бегства в Югославию, до марта 1949 года.

Прокурор: Где вы познакомились с Азисом Кара и когда стали высказывать друг другу недовольство народной армией и властью?

Пренг Дода: Как сказал на допросе Азис, мы знали друг друга давно. Мы были друзьями и верили один другому. В бытность нашу в Корче мы служили, и он и я, офицерами. Я не доволен был чином, а Азис отказом в принятии в партию. Мы делились своим недовольством. Так родилось во мне чувство вражды к конституционному строю нашей республики, перешедшее потом в ненависть.

Прокурор: Встречались ли вы в Корче с иностранными офицерами?

Пренг Дода: Нет, я никого из них не знал.

Прокурор: Вспомните хорошенько не было ли у вас отношений с одним югославским офицером?

Пренг Дода: Да, были. В Поградеке у меня бывали встречи с майором Байо Джурановичем, бывшим в то время политическим инструктором II-ой дивизии. Припоминаю, как дважды я рассказывал майору об особенностях и недостатках армии, обнаруженных мною во время инспекции воинских частей. В Корче мы часто встречались с майором Байо, но у меня не было с ним никакой близкой связи.

Прокурор: Были ли вы агентом майора Байо и были ли вы с ним в связи после возвращения в Югославию?

Пренг Дода: Я не был агентом Байо и отрицаю приписываемую мне связь с вышеупомянутым.

Прокурор: Работали ли вы в пользу Югославии? Ответьте вкратце правда ли, что вы предложили безоговорочно свои услуги?

Пренг Дода: Я не отрицаю своей работы в пользу Югославии, но я никогда не был на службе майора Байо, как его агент. Я был человеком Ранковича, а не Байо.

Прокурор: После исключения из армии поддерживали ли вы контакт с элементами, настроенными реакционно и враждебными режиму? Ввели ли вы с ними беседы на политические темы и каковы были ваши высказывания?

Пренг Дода: Я умел связываться с такими лицами. Я не стеснялся в проявлении своего недовольства и всегда поддерживал и оправдывал враждебное отношение к власти.

Прокурор: Вы заявили, что до бегства в Югославию вы занимали должность бухгалтера в Красном Кресте в Шкодере. В каком положении осталась после вас касса?

Пренг Дода: Конечно не в порядке. В кассе не хватало крупной суммы.

Прокурор: Почему?

Пренг Дода: Потому что я выдавал казенные деньги своим знакомым. Таких случаев было много. Помню одному своему односельчанину я выдал 18 000 лек. Конечно, сумма эта не была пополнена.

Прокурор: Расскажите суду о вашей подготовительной работе, имевшей целью поставить под угрозу внешнюю безопасность Народной Республики Албания, о сотрудничестве с Азисом Кара и пр.

Пренг Дода: Незадолго до того в моем доме был обыск и у меня отобрали револьвер. Зная о моей деятельности, органы государственной безопасности установили за мной наблюдение. Партийный комитет в Шкодере известил меня о том, что двери партии навсегда закрыты для меня. Это происходило в период опубликования Резолюции Информбюро, разоблачавшей предательство Тито. Я воспользовался этим случаем, занял враждебную Резолюции позицию и стал поддерживать троцкистскую точку зрения югославских главарей. Мои политические взгляды совпадали с мнением югославских троцкистов. Арест Зефа Бардоку и Гьет Кеки и боязнь неблагоприятных для меня показаний этих последних ускорили и укрепили во мне решение бежать во что бы то ни стало тайно в Югославию и начать работать на эту страну.

Прокурор: Как вы решили бежать — в одиночку или брать с собой спутников?

Пренг Дода: В сентябре 1948 года я предложил Азису Кара бежать вместе. Сначала Азис согласился, но вскоре, по соображениям личного характера, отложил намерение на более поздний срок. С другой стороны и у меня самого в ту пору не созрело еще окончательное решение, потому что мое положение не было еще скомпрометировано. Мы пришли к соглашению после того, как все нужные условия оказались налицо. Это случилось в марте прошлого года.

Прокурор: Объясните суду каким образом вы подстрекали других бежать с вами в Югославию и какие вы вели политические беседы с Азисом Кара?

Пренг Дода: Мне легко было убедить Азиса, потому что мне известны были его взгляды и стремления, его прошлое, его недовольство и слабости. Прежде чем открыто поставить Азису вопрос, я старался коснуться его уязвимого места — недовольства народной властью. Я затевал с ним последовательные политические беседы, затрагивавшие экономическое, социальное и политическое положение Албании. Я высказывался против партии,

против резолюции Информбюро и всецело в пользу позиции югославских троцкистов, которую я хорошо знаю.

Прокурор: Объясните, как вы освоили эту точку зрения?

Пренг Дода: Я внимательно следил за печатью и радиопередачами и часто слышал ответы югославских руководителей на всестороннюю критику, которой их подвергали.

Прокурор: Не получили ли вы в этом смысле секретного и официального распоряжения в силу ваших связей с майором Байо и как старый шпион Югославии?

Пренг Дода: Я категорически отрицаю наличие прежних связей с Югославией при посредстве майора. Я стал на службу УДБ только после перехода на югославскую территорию.

Прокурор: Обвиняемый, вам видно хорошо знакома пограничная полоса? Как вам удалось перейти незамеченным границу?

Пренг Дода: Получив согласие Азиса бежать в Югославию и перейти на службу Белграда, я приступил, совместно с ним, к обследованию пути в обход стражи. С пограничных высот мы рассматривали в бинокль дороги, искали удобные проходы, наблюдали за пограничным сторожевым постом. Тогда же, помню, Азис заметил мне, что по этому пути прошли в свое время в Югославию военные преступники Мухаррем Байрактари, Кол Биба, Ѓьон Марка Ѓьони и др.; он был твердо уверен в месте перехода ими границы.

Прокурор: Было ли при вас оружие?

Пренг Дода: Азис очень настаивал на возвращении домой за оружием, которое было спрятано им в сене. Я отказался, предпочитая не иметь при себе оружия, и объяснил Азису, что в подобных случаях лучше быть безоружным.

Прокурор: Кто вас этому научил?

Пренг Дода: Никто. Я просто полагал, что в случае встречи с пограничниками безоружному легче от них отвязаться. Таким образом, ночью 12 марта 1949 года, когда город окунулся во мрак, мы двинулись в путь. По выходе из города мы составили обращение к народу, в котором обрушились на руководителей Албании.

Председатель показывает подсудимому прокламацию, подписанную обоими обвиняемыми, и спрашивает его узнает ли он ее.

Пренг Дода: Да, это наша прокламация.

Прокурор: Какова была цель этой прокламации?

Пренг Дода: Это был способ держать Азиса в руках, чтобы ему не вздумалось изменить. Прокламация должна была скомпрометировать Азиса в глазах албанского народа и заставить его следовать моим инструкциям и подчиниться мне.

Прокурор: В какую сторону вы направились и встретились ли вы с кем-нибудь по дороге?

Пренг Дода: Как я уже говорил, когда наступила полночь, мы взяли курс на Коплик. Мы шли всю ночь, боясь встретить агентов или даже пастуха, которые могли бы нас выдать. Мы обошли пограничный пункт Хани и Хотити, не доходя возвышенностей Старье, подошли к какому-то дому, чтобы попросить хлеба. Там нас остановил агент полиции и спросил знаем ли мы хозяина дома. На мой отрицательный ответ и объяснение, что нас привела сюда жажда, агент сообщил мне, что двое сыновей хозяина дома бежали.

Прокурор: Вызвали ли вы какие-нибудь подозрения у агента полиции?

Пренг Дода: Нет. Я ему сказал, что я государственный служащий и иду в Вермош. При этом я показал себя ярким сторонником власти, ненавидевшим предателей родины, после чего у него прошли всякие сомнения.

Прокурор: Как вы решились остановиться у такого опасного дома, где вы знали, что можете рассчитывать на помощь? Не было ли это подготовлено? Знали ли вы о бегстве двух братьев из этого дома?

Пренг Дода: Я об этом ничего не знал. Я остановился у дома случайно.

Прокурор: Встретили ли вы в дороге путешественника?

Пренг Дода: Не помню.

Прокурор: Правда ли, что вы встретили молодого человека и у вас мелькнуло желание его убить и завладеть его револьвером?

Пренг Дода: Да, я припоминаю встречу с молодым человеком, но я не собирался его убивать.

Председатель: Азис Кара, подойдите к микрофону. Пренг Дода отрицает сделанное вами утверждение.

Азис Кара: Господин председатель, дело происходило так, как я рассказал сегодня утром. Пренг порывался дважды или трижды напасть на молодого человека и ударить его камнем по голове, но побоялся быть схваченным и потерять время.

Прокурор: Пренг Дода, что вы на это скажете?

Пренг Дода: Что бы Азис ни говорил, я это отрицаю. Ничего подобного не было.

Председатель: Азис Кара, возвращайтесь на свое место.

Прокурор: Пренг Дода, продолжайте рассказывать, как вы перешли границу.

Пренг Дода: Мы были в 600 метрах от границы; из боязни быть окруженными и желая замести следы, мы вошли в лес, окутанный туманом. Как только туман рассеялся, мы увидели перед собой несколько домов. Какая-то старая женщина, говорившая на албанском языке, объяснила нам, что мы еще на территории Албании. От нее же мы узнали, что нас разыскивают полиция и органы государственной безопасности и что наше бегство наделало много шума.

Прокурор: Правда ли, что вас окружили албанские пограничные части и вы поэтому расстались с Азисом Кара?

Пренг Дода: Нет, не верно, нас не окружили. Но однажды, услышав лай собак и голоса, нам показалось, что мы окружены. Потом я заметил, что мы ошиблись.

Прокурор: Азис Кара, настаиваете ли вы на своем утверждении?

Азис Кара: Да, настаиваю. Нас окружили и это побудило нас разойтись в разные стороны.

Прокурор: Пренг Дода, продолжайте.

Пренг Дода: С большим трудом я перешел одну границу. Увидев на стене какого-то дома надпись: „Тито-партия“, я понял, что нахожусь в Югославии и, осведомившись как дойти до сторожевого югославского поста в Бардоке, я явился туда.

Прокурор: Как вы явились к начальнику поста и о чем он вас спрашивал?

Пренг Дода: Я назвал себя албанским эмигрантом, бежавшим по политическим соображениям из Албании, сторонником Тито, несогласным с Резолюцией Информбюро. Начальник поста удостоверился в моей личности и заставил рассказать о своей жизни; ознакомившись с причинами моего перехода в Югославию, он стал задавать вопросы о том, что происходит в Албании.

Прокурор: Отвечали ли вы на заданные вопросы и передали ли вы требуемые информации?

Пренг Дода: Я отвечал на вопросы и сообщил решительно все, что знал.

Прокурор: Сколько времени вас продержали на сторожевом посту?

Пренг Дода: Я пробыл несколько часов до прихода Азиса. Затем нас обоих отправили в Туз, где лейтенант югославской разведки (УДБ) учинил нам новый допрос, составив вторичный протокол.

Прокурор: Расскажите суду подробно о чем вас спрашивал представитель УДБ и что вы ему говорили?

Пренг Дода: Сначала он расспрашивал меня о моей жизни, о службе в армии, о чине, о функции, которую я исполнял, а потом о целях перехода в Югославию, о месте перехода границы, о количестве албанских пограничных сторожевых постов, о количестве патрулей, о состоянии и силе армии, ее организации, о мобилизации и демобилизации бывших солдат и составе работников охранной службы; он допытывался о внутреннем политическом положении в Албании, о политике правительства, об общих настроениях албанского народа, о том, как народ относится к разрыву сношений с Югославией и много ли в Албании недовольных режимом; он интересовался направлением печати и тем, что пишут газеты, особенно о Югославии, о количестве югославских эмигрантов и их деятельности, об организации партии, о выборах партийного руководства. Затем, как и следовало ожидать, он перешел к экономическим вопросам и стал расспрашивать о выполнении планов, о состоянии гидроэлектрических станций и железных дорог, о темпах работы и трудовом подъеме трудящихся. Он расспрашивал о руководителях рабо-

тами и о советских инженерах, о системе снабжения, о рынках, ценах, государственных сбытовых магазинах и т. д. Я должен был указать ему насколько широк был круг моих знакомств в Албании, знал ли я многих недовольных народной властью, сколько их всего было, сколько из них организованы и сколько нет и можно ли было с их помощью развить пропаганду в пользу Югославии. Он спрашивал меня о Кочи Дзодзе и других югославских агентах.

Прокурор: Сообщили ли вы офицеру УДБ требуемые информации?

Пренг Дода: Я рассказал ему все, что мне было известно. Только на вопросы военного характера или же касающиеся структуры партии я не мог дать исчерпывающих ответов после своего исключения из армии и партии. О передаче сведений политического, экономического и военного характера югославской разведке я говорил уже не раз.

Прокурор: Как вы оцениваете сейчас свой поступок? Не находите ли вы, что вы поступили подло и изменили родине? Отдаете ли вы себе отчет в том, что передача секретных информации врагу, затрагивающих интересы государства, приносит ущерб народу и албанскому государству?

Пренг Дода: Да, я сознаю, что изменил и причинил вред Албании.

Прокурор: Кроме перечисленных вами информации передали ли вы еще что-нибудь представителям югославской разведки. Спрашивали ли они у вас имена лиц, с которыми вы состояли в связи?

Пренг Дода: Да, я указал многих лиц и в частности Гьета Кеки и Зефа Бардоку, вынужденных потом покинуть Албанию из-за троцкистской деятельности и враждебных актов против Народной Республики Албания. На вопрос получал ли я пропагандный материал, доставлявшийся тайно в Албанию диверсионными агентами на откуп у Белграда, я ответил, что лично мне не приходилось встречать такого материала, который по слухам прибывал от времени до времени из Югославии для распространения. Я подтвердил, что слышал о существовании специальных диверсионных агентов, посылавшихся для систематической вербовки и организации побега желающим из Шкодера.

Прокурор: Обвиняемый, как вы об этом узнали? Пора, наконец, сказать правду.

Пренг Дода: Непосредственно мне ничего не было известно; до меня только доходили слухи о существовании подпольной деятельности в пользу Югославии.

Прокурор: Донесли ли вы властям о слухах, доходивших до вас от так называемых друзей?

Пренг Дода: Нет.

Прокурор: Спрашивал ли вас офицер о том, знаете ли вы югославских граждан, живших в Албании?

Пренг Дода: Да, и я ответил, что знаю майора Байо и профессора

сербского языка в Шкодере, проживавших в Албании до разрыва сношений с Югославией.

Прокурор: Говорили ли вы о том, что находитесь с этими лицами в сношениях?

Пренг Дода: Нет, я этого не говорил, потому что не имел никакой связи с ними. Я уже рассказал суду при каких обстоятельствах я с ними познакомился.

Прокурор: В каких пунктах Югославии были составлены протоколы ваших показаний?

Пренг Дода: Нас повезли в Белополье, Беран и Титоград, где всюду нами были подписаны протоколы допроса. В Беране нас продержали 15 дней в погребе под замком; в погребе нас допрашивал офицер УДБ по военному вопроснику и составил по окончании допроса протокол. Записывая наши показания, он сличал их с имевшейся при нем географической картой. Спросивши меня согласен ли я вернуться в Албанию, офицер передал мне пачку троцкистских брошюр и статей, содержащих брань по адресу Советского Союза и стран народной демократии.

Прокурор: Когда вы вернулись в Титоград?

Пренг Дода: Мы вернулись 1 апреля 1949 года.

Прокурор: Вы шли пешком или же вас довели в автомашине?

Пренг Дода: В автомашине.

Прокурор: Ехал ли с вами еще кто-нибудь в машине и кто?

Пренг Дода: Да, с нами ехало несколько югославских граждан, арестованных югославской разведкой за их симпатию к Резолюции Информбюро и солидарность с Советским Союзом и странами народной демократии и за то, что они были против клики Тито. Один из них был офицером.

Прокурор: Спрашивали ли они вас откуда вы едете и кто вы такие? Несмотря на арест проявили ли они свои чувства против белградских фашистов?

Пренг Дода: Нет, мы с ними не заговаривали и не наблюдали никаких проявлений подобного рода.

Прокурор: Обвиняемый, вы продолжаете упорно отрицать правду, ибо вам стало стыдно ваших низких поступков и измены. Вам стыдно вспомнить, как настоящие коммунисты из рядов югославского народа, борющиеся за свой идеал, которых подлые фашисты Белграда преследуют и убивают, открыто обвинили вас в позорной измене родине. Вы продолжаете отрицать, что вы шпион, продавшийся троцкистам, на службе американо-английской разведки. Вы продолжаете хранить им верность, чтобы скрыть от албанского народа и народов всего мира сопротивление, которое народы Югославии, оказывают варварскому полицейскому режиму троцкистов. Отрицая, вы хотите заглушить голос югославского народа, героические возгласы четырех арестованных, громко кричавших: „Да здравствует большевистская партия

и великий Сталин, да здравствует Энвер Ходжа и албанский народ... Долой троцкистского маршала Тито!“

Слова прокурора покрываются бурными и несмолкаемыми аплодисментами присутствующих в зале, приветствующих борьбу югославского народа за свободу против клики Тито.

Прокурор: Азис Кара, настаиваете ли вы на вашем заявлении, которое отрицает Пренг?

Азис Кара: Господин прокурор, дело происходило так, как я об этом заявил. Пренг отрицает многое.

Прокурор: Пренг Дода, правда ли, что в Югославии была организована бригада, состоявшая из албанских беглецов и сосредоточенная в определенных целях на границе?

Пренг Дода: Да, в Югославии была организована бригада особого назначения; в последнее время из-за увеличившегося дезертирства и бегства в Албанию, югославское командование приняло меры и установило за бригадой строгое наблюдение.

Прокурор: Когда же по вашему вы стали шпионом Югославии и с какого времени вы обязались работать против Народной Республики Албания?

Пренг Дода: Я перешел на службу Югославии в Титограде. Там майор УДБ поручил мне отправиться в Албанию, взять с собой для распространения пропагандный материал троцкистского толка, установить связь с членами партии и демократического фронта и повести среди них агитацию в пользу позиции Югославской коммунистической партии. Эта работа была поручена Азису и мне, ему в районе Пешкопи, а мне в Шкодере.

Прокурор: Не поручал ли вам майор еще какого-либо другого задания?

Пренг Дода: Не помню.

Председатель: Азис Кара, какие еще задания, кроме упомянутых Пренгом, были поручены вам представителем УДБ?

Азис Кара: Нам поручили организовать переход албанцев в Югославию, собрать всевозможные информации для УДБ и установить контакт с недовольными и враждебно настроенными к власти элементами.

Прокурор: Пренг Дода, признаете ли вы заявление вашего сообщника?

Пренг Дода: Насколько мне помнится, других инструкций, кроме заявленных мною, я не получал.

Прокурор: Став изменником родины, согласились ли вы выполнить данное вам задание и не пытались ли отказаться от этой подлой миссии?

Пренг Дода: Вначале я сопротивлялся; я восставал против навязанной мне опасной игры с риском в 98 случаев из 100 быть пойманным. К тому же дорога предстояла утомительная и здоровье не позволяло мне отважиться на такой путь.

Прокурор: Это была единственная причина?

Пренг Дода: Да, другой причины не было.

Прокурор: Но вы в конце концов уступили?

Пренг Дода: Меня заставили согласиться.

Прокурор: Вас заставили силой?

Пренг Дода: Я добровольно уступил.

Прокурор: Получили ли вы какие-нибудь деньги?

Пренг Дода: Да, я получил небольшое количество динар и более крупную сумму в албанских денежных знаках.

Прокурор: Обещали ли вам новую миссию по возвращении в Югославию?

Пренг Дода: Нет, мне ничего не обещали, мне говорили только об агитационной работе.

Прокурор: Разве вас не заверили в том, что вы будете офицером охранный службы, что вы будете пользоваться привилегиями офицеров УДБ, что вы будете получать высокие оклады, жить во дворцах и т. п.; вы ведь слышали, что показывал Азис Кара сегодня утром?

Пренг Дода: Слышал, но считаю его показание ложным.

Прокурор: Продолжайте.

Пренг Дода: Обязавшись проникнуть тайно в Албанию для распространения пропагандного материала, мы с Азисом, желая быть вооруженными, потребовали у майора УДБ оружие. Он отказал нам в выдаче револьверов и заявил, что в подобных случаях предпочтительнее пользоваться гранатами. Майор распорядился приготовить все необходимое для нашего отъезда. Получив от него по 200 динар, мы с ним расстались. Остаток дня мы провели в бригаде албанских беглецов, расположенной у границы.

Прокурор: Из каких элементов была составлена бригада?

Пренг Дода: Бригада состояла из албанских эмигрантов, бежавших из Албании из-за разных преступлений против родины. Среди них были и военные преступники, сражавшиеся во время оккупации против партизан, вроде сына байрактара из Шалы и его жены и многие другие. Рассмотрев брошюры, полученные от представителя УДБ, мы попросили начальника бригады дать нам какого-нибудь жителя Шкодера, знающего дорогу, который бы нас довел до определенного места. Начальник бригады не мог удовлетворить просьбы, потому что нужные нам лица были посланы в служебном порядке в разные пункты границы. Нас свели с двумя проводниками из Дибры, которые указали нам место перехода через границу, информировали о движении патрулей и т. д. Обо всем, о чем они говорили, я сделал отметку.

Прокурор: На когда назначен был день отъезда?

Пренг Дода: Мы назначили отъезд на 4 апреля 1949 г. и решили перейти границу в направлении к Шкодеру. Перед самым отъездом мы узнали, что из трех албанцев из состава бригады, посланных в Албанию согласно инструкциям УДБ, двое были убиты на обратном пути в Югославию пограничниками Народной Республики Албания и только третьему удалось спастись.

Мы попросили заведующего довольствием при УДБ выдать нам компас, бинокль, одежду и пр. Нам дали затем пропагандный троцкистский материал, состоявший из 400 карикатур на албанское правительство, 100 листовок с содержанием ноты югославского правительства албанскому правительству по поводу осушения озера близ Шкодера, 20 брошюр оскорбительного содержания по адресу Советского Союза и Резолюции Информбюро и 30 брошюр „о национализме и интернационализме“ в толковании югославских троцкистов. Указанный материал мы поделили с Азисом пополам. Представители УДБ снабдили нас ещё 4 000 лек и двумя ручными гранатами. На вопрос, когда мы предполагаем вернуться в Югославию, я ответил, что для выполнения задания нам понадобится 20 дней. По мнению Азиса нас нельзя было ждать раньше начала мая месяца. Но офицер УДБ приказал обязательно вернуться 20 апреля в Югославию. Затем нас усадили в машину исполкома, которая довезла нас до Туза.

Прокурор: Какие еще инструкции по установлению связи и передаче информации дал вам офицер УДБ? Что означают инициалы В. Я. и И. Д. в письме, найденном при вас?

Пренг Дода: По адресу В. Я. я должен был сообщаться с УДБ, пересылать письма и передавать сведения, собранные в Албании. В и Я, как мне пояснили, означали инициалы офицера югославской разведки Владимира Янковича, уполномоченного по делам и наблюдавшего за деятельностью албанской бригады с местожительством в Титограде. Буквы И. Д. соответствуют инициалам представителя УДБ в Тузе, по имени Измаил Дервиши. Я мог связываться и при посредстве этого последнего. Перед отъездом мне наказали особенно беречь и хорошо скрывать шифр, потому что в случае ареста мне предстояло им пользоваться для связи с другими арестованными. Корреспонденцию я должен был подписывать инициалами Т. И. с директивной время от времени менять вторую букву.

Прокурор: Были ли вам указаны лица, с которыми вы могли связаться в Албании?

Пренг Дода: Нет. Я должен был сам наладить связь с элементами, враждебными власти.

Прокурор: Получили ли вы инструкции проводить работу и в тюрьмах?

Пренг Дода: Да, мне посоветовали доставлять пропагандный материал и в тюрьмы.

Прокурор: Продолжайте. Кто вас проводил до границы?

Пренг Дода: Заведующий довольствием, по имени Видо, один младший лейтенант УДБ и какой-то штатский, специализировавшийся в отправке агентов-диверсантов в Албанию. От последнего мы получили ближайшие инструкции как благополучно пробраться через границу. Расставшись с представителями УДБ, мы шли целую ночь и целый день. 6 апреля 1949 г. мы прибыли в Коплик. Оттуда мы направились в сторону Пон де Кири, где переезжали до ночи, раньше чем войти в город. В перерыве мы говорили о

предстоящей работе, обсуждали план действия, когда и где надлежало поместить материалы и пр. Азис, под предлогом необходимости пойти домой за револьвером, отказался на первых порах участвовать в распространении материала, и мне пришлось взять на себя эту операцию. Расставаясь, я велел Азису, в случае, если меня не будет в 3 часа утра в условленном месте, что означало, что меня поймали, сделать все возможное и обязательно вернуться в Югославию.

Прокурор: Предложил ли вам Азис Кара сдать власть?

Пренг Дода: Он мне говорил об этом однажды, но потом изменил мнение. Я не думал, что Азис Кара сдастся, в противном случае я не стал бы ждать его в назначенном месте.

Прокурор: Поместили ли вы имевшиеся при вас материалы?

Пренг Дода: Да. Я вошел в Шкодер после полуночи, подошел к дому Кол Симони и перелез через стену во двор. Взяв за домом велосипед, я открыл задвижку двери, вышел незаметно со двора и начал развозить троцкистские листовки, манифесты и брошюры. Часть материала я задержал для своих знакомых. Закончив выполнение первого задания, я отправился в сторону Дришти для встречи с Азисом, которого не нашел. Внезапно мне послышались голоса, я очутился окруженным и увидел направленные на себя со всех сторон винтовки. Я отдал ручную гранату и меня арестовали.

Прокурор: В тиранской тюрьме пользовались ли вы шифром для сообщения с югославскими и другими заключенными?

Пренг Дода: Да. Сначала, чтобы получить сведения о семье, а потом, чтобы узнать каковы были отношения между Югославией и Албанией. С другой стороны я поручил заключенному по имени Пашка Гьет Ллеша, осужденному за преступные действия против народа и государства, вернуться по выходе из тюрьмы в Югославию и обратиться по указанному мне УДБ шифру В. Я. в Титограде и к И. Д. в Тузе.

Прокурор: Разве может быть речь о дружбе с фашистской кликой Тито, находящейся на службе американо-английской разведки в роли авангарда империалистической агрессии против великого Советского Союза и стран народной демократии и посылающей в Албанию агентов-диверсантов, вроде вас, для совершения террористических актов, угрожающих существованию Албании, для нарушения независимости и целостности нашей народной республики и подрыва ее внешней безопасности. Но между албанским и югославским народами, а в этом никто не сомневается, существует дружба, закалившаяся в ходе общей борьбы против фашизма и орошенная кровью жертв обоих союзных народов.

Товарищи судьи, я обращаю ваше внимание на то, что перед вами опасный субъект и матерый агент. Такого человека выковали на передовых заводах, его воспитали и обучили в Италии, а затем на курсах СС в Германии. Этот хищник, орудующий по указке Ранковича, представляет серьезную опасность. Мы это знаем, товарищи судьи, и не-

вольно с глубокой ненавистью вспоминаем о поджигателях войны, о всех тех, кто пытается ввергнуть мир в ужасающую бойню. Это человек, который не может жить без крови, который думает всю свою жизнь прожить заклктым врагом, не знаящим преград.

Учтите, что такой человек поступает в войска карабинеров и получает повышение; его не останавливает даже гибель фашизма. По приходе немцев, тотчас же по заслугам оценивших его способности, он становится их доверенным лицом. После гибели нацизма, воспользовавшись искусством скрывать свое подлинное лицо, приобретенным на курсах службы СС, подсудимому удается стать офицером нашей народной армии. Но и офицером Пренг Дода не прекращает агитации и пропаганды против народной республики и подбирает себе сообщников. У него большая слабость к фашизму. Поэтому он с радостью приветствует возрождение нового фашизма в Белграде. Заметив, что за ним следят по пятам органы государственной безопасности, подсудимый, взяв с собой Азиса Кара, бежит в Югославию. В Югославии он передает врагам Албании все, что знает, завязывает с ними связи, пускается на всевозможные поступки и покидает помещение УДБ с поручением начать работу против албанского народа.

Обращаясь к обвиняемому: Скажите нам, подсудимый, вот еще что. Правда ли, что в бытность вашу солдатом национально-освободительной армии вы намеревались убить начальников бригады, в частности подполковника Мухамета Продани и майора Зикри Мерио?

Пренг Дода: Категорически отрицаю подобное обвинение.

Прокурор: Не вспоминаете ли вы, что вы в этом сами признались майору Зикри Мерио?

Пренг Дода: Неправда. Я совсем не помню, чтобы у меня было желание убить этих товарищей.

Прокурор: Мы это докажем при допросе свидетелей, обвиняемый.

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО ТОДИ КОРОВЕШИ.

Председатель: Получили ли вы обвинительный акт?

Тоди Коровеши: Получил.

Прокурор: Признаете ли себя виновным?

Тоди Коровеши: Признаю отчасти.

Прокурор: Признаете ли вы себя виновным в побеге в Югославию и в том, что вы стали шпионом УДБ?

Тоди Коровеши: Да, я бежал в Югославию и подписал заявление о сотрудничестве с УДБ под условной кличкой „Дайти“, но я отрицаю обвинение в передаче информации.

Председатель: Передаю вам слово, товарищ прокурор.

Прокурор: Обвиняемый, чем вы занимались?

Тоди Коровеши: Я был студентом политехнического факультета Пражского университета.

Прокурор: С каких пор вы учились на этом факультете?

Тоди Коровеши: С ноября 1948 года.

Прокурор: Где вы учились до этого?

Тоди Коровеши: В Югославии, в люблянском университете.

Прокурор: Объясните нам, как вы завязали отношения с Югославией и как вы действовали против Народной Республики Албания?

Тоди Коровеши: Как я уже сказал, я учился в Любляне, когда Тито и его клика изменили лагерю социализма и были разоблачены Резолюцией Информбюро. Несколько позднее, по приказу нашего правительства, все находившиеся в Югославии албанские студенты вернулись на родину.

Прокурор: Получили ли вы снова стипендию от государства?

Тоди Коровеши: Министерство народного просвещения послало меня для продолжения учения в Прагу.

Прокурор: Были ли вы этим довольны?

Тоди Коровеши: Нет, потому что назначенная для изучения специальность мне не нравилась, что вызвало мое столкновение со студенческой организацией; в результате я лишился стипендии.

Прокурор: Так значит это было причиной, побудившей вас действовать против родины? Расскажите подробно как вы стали шпионом УДБ?

Тоди Коровеши: После того как меня лишили стипендии, я обратился к югославскому посольству в Праге с просьбой помочь мне не возвращаться в Албанию. Я говорил с одним служащим посольства, которому я высказал свое недовольство нашим государством, сообщив ему, что я был прежде студентом в Любляне и пользовался югославской стипендией. Я заявил ему о своем желании бежать из Чехословакии и вернуться в Югославию. Осведомившись о моем имени, служащий посольства спросил нет ли у меня товарищей, согласных со мною и готовых поступить так же, как и я. Я ответил, что покамест я один, но, выйдя из посольства, отправился прямо к студентам Ставро Профкола и Лимитеру Гьерго. Ознакомив их с моими планами, я убедил их бежать в Югославию. Я свел обоих с югославским посольством, и мы все вместе занялись приготовлениями к побегу. Само собой разумеется, связь с посольством лежала на мне, и я выступал там от их имени.

Прокурор: Сколько раз вы ходили в югославское посольство?

Тоди Коровеши: Более четырех раз.

Прокурор: С кем вы там познакомились и с кем имели отношения?

Тоди Коровеши: Служащий, о котором я только что говорил, познакомил меня с одной девушкой лет 30, которая работала в посольстве. Она дала нам заполнить два формуляра и велела принести по две фотографических карточки каждого из нас. Я понял, что эти формальности были нужны для нашего въезда в Югославию.

Прокурор: Задавала ли она вам какие-либо вопросы и давала ли она вам что-нибудь?

Тоди Коровеши: Она сказала мне, что если у меня есть дела, то я смогу заняться их устройством в Белграде.

Прокурор: Что она этим хотела сказать?

Тоди Коровеши: Я не знаю, я не понял.

Прокурор: Не предложили ли вы оказать ей какую-нибудь услугу?

Тоди Коровеши: Нисколько,

Прокурор: Вы не сказали нам какие соображения вы привели служащему посольства в подтверждение вашего решения бежать в Югославию?

Тоди Коровеши: Я заявил ему, что меня лишили стипендии, что я обратил на себя внимание моей антинародной деятельностью и что, следовательно, мне здесь нечего было терять времени.

Прокурор: Убедили ли вы других студентов — помимо тех, о которых вы уже говорили — бежать в Югославию?

Тоди Коровеши: Я уговаривал еще двух товарищей, в которых я был уверен, зная, что они на меня не донесут, но они не согласились.

Прокурор: Как вам удалось бежать в Югославию?

Тоди Коровеши: Я получил паспорт и визировал его в венгерском и югославском посольствах. 29 апреля 1949 года, приехавши поездом в Белград, я явился в Министерство внутренних дел к служащему по фамилии Драгелич. Там меня спросил другой служащий по имени Иво, с помощью какой-то девушки, хорошо знавшей итальянский язык и служившей переводчицей. После короткого допроса о причине нашего побега и установления личности, нас повели в комнату No. 88, где Иво и другой очень полный человек потребовали от нас различных сведений. Иво расспрашивал нас об албанских студентах в Праге, об их организации и числе, о ее руководителях, о том сколько человек в секретариате и кто они, сколько среди студентов членов партии, каковы политические взгляды студентов, каково их мнение об отношениях с Югославией и есть ли студенты, настроенные против Информационного Бюро. Узнав, что я учился в Любляне, он спросил меня, что говорилось в то время о югославском правительстве на собраниях наших организаций, кто из нас высказывал свое мнение относительно Резолюции Информбюро и т. д. Затем он стал спрашивать нас об экономическом положении в Албании и Югославии и пр.

Прокурор: Ответили ли вы на все эти вопросы?

Тоди Коровеши: В общих чертах, а на те вопросы, на которые я не мог ответить, отвечали мои товарищи. Говоря об Албании, мы не касались политических вопросов, о которых я не имел никакого понятия.

Прокурор: Часто ли вы бывали в комнате No. 88.

Тоди Коровеши: Мы бывали в ней всякий раз, как у нас требовали разъяснений. Мы давали и письменные показания. Я забыл вам сказать, что

меня спросили, не имел ли я связи с каким-либо другим посольством, на что я ответил, что меня знали только в югославском посольстве.

Прокурор: Что вы потребовали за оказанные вами услуги?

Тоди Коровеши: Я попросил дать нам денег, записать нас на факультет, предоставить квартиру и т. д., предупредив, что в случае отказа мы будем вынуждены обратиться в итальянское посольство для выезда в Италию. Наши требования были временно удовлетворены и нам выдали 1 500 динар на первые расходы, посоветовав обратиться к заместителю министра культуры, от которого зависело удовлетворить нашу просьбу. Замминистра культуры потребовал от нас сведений политического характера о Чехословакии, которые мы ему дали; затем он свел нас с некой Радой Зименович, бывшей преподавательницей сербского языка в тиранской гимназии. Получив интересовавшие ее сведения, Рада Зименович подарила каждому из нас по новому костюму, пальто и паре ботинок.

Прокурор: Назначили ли вам ежемесячное вознаграждение?

Тоди Коровеши: Да, мы получали 3 000 динар в месяц под видом стипендии, а кроме того и другие пособия — не то 3 000, не то 5 000 динар, я уже не помню. Вообще же нам обещали выдавать деньги всякий раз, как они нам понадобятся.

Прокурор: Когда вы, наконец, поняли, что стали шпионом и поступили на службу УДБ?

Тоди Коровеши: Когда я был арестован УДБ и меня заставили в комнате No. 16 подписать заявление, по которому я обязывался быть информатором УДБ, не быть на службе других государств и соблюдать строгую конспирацию. Разумеется, после подачи заявления, офицер УДБ, по имени Иован, отпустил меня на свободу, сообщив мне, что впредь я должен буду сноситься только с ним.

Прокурор: Под каким предлогом вы были арестованы УДБ?

Тоди Коровеши: Нас арестовали за связь с одним из служащих итальянского посольства в Белграде, которого звали Антонио Фариначи; мы часто ходили в итальянское посольство, стараясь получить право на въезд в Италию.

Прокурор: Под каким псевдонимом вы сотрудничали с УДБ?

Тоди Коровеши: Под псевдонимом „Дайти“.

Прокурор: Какое задание поручил вам Иован?

Тоди Коровеши: Он приказал мне явиться в албанское посольство в Белграде, оскорбить служащих посольства, сказав им, что они подлецы и авантюристы, и посоветовал открыть по ним стрельбу из револьвера, если они ответят мне в таких же выражениях.

Прокурор: Обещал ли он вам за это особое вознаграждение?

Тоди Коровеши: По его словам, в случае успешного выполнения этого провокационного поручения, я должен был заслужить доверие УДБ, получить в свое распоряжение автомобиль и стать офицером.

Прокурор: Исполнили ли вы это поручение?

Тоди Коровеши: Нет, я побоялся.

Прокурор: Как вы объяснили Иовану свой отказ?

Тоди Коровеши: Я сказал Иовану, что боюсь пойти на такой поступок, потому что албанское правительство может задержать мою семью. Но Иован уверял меня, что оно не посмеет этого сделать, так как УДБ со своей стороны может арестовать все находящиеся в Белграде семьи служащих албанского посольства; несмотря на это обещание, я не исполнил его требования.

Прокурор: Товарищи судьи, фашистская клика Тито набирает дегенератов и авантюристов, используя их для провокации и шантажа. Внешняя политика белградской фашистской клики заключается в вербовке шпионов, которых она толкает на диверсионную деятельность и вредительство, следуя указаниям своих американско-английских хозяев. Одним из таких шпионов является Тоди Коровеши. Не будь он трусом, подготовленная УДБ провокация против нашего посольства в Белграде могла бы закончиться успешно и дала бы повод клике титовских изменников громко растрюбить этот чисто фашистский провокационный поступок, раздуть дело и показать всему миру, что вот мол как приезжают в Югославию недовольные албанцы и стреляют в служащих своего посольства.

Обращаясь к подсудимому: Подсудимый, почему вы были снова задержаны УДБ?

Тоди Коровеши: Потому что агенты УДБ заподозрили меня в слишком хороших отношениях с албанским посольством; это объяснялось двумя случайными встречами с одним из служащих албанского посольства в Белграде. Желая вероятно наказать за это, они довели меня до границы и отравили в Албанию, сказав: „Мы тебя привезли, мы тебя и возвращаем“.

Прокурор: Да, такова судьба и таков конец шпионов, продавших свою честь и изменяющих своей родине. Ответьте мне еще на один вопрос: посещали ли вы итальянское посольство во время вашего пребывания в Белграде?

Тоди Коровеши: Да, я был там несколько раз, познакомившись с одним из служащих, Антонио Фариначи; я стремился через его посредство выехать в Италию.

Прокурор: Товарищ председатель, я закончил допрос подсудимого.

Удостоверившись, что ни члены трибунала, ни защита больше не имеют вопросов, председатель велит прочесть протокол следствия, а затем вызывает подсудимого Ника Прес Рудай.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО НИКА ПРЕС РУДАЙ

Председатель: Ваша национальность, ваше подданство?

Ник Рудай: Я албанец, югославский подданный.

Председатель: Ваше местожительство?

Ник Рудай: Я живу в Югославии.

Председатель: Как вы попали в Албанию?

Ник Рудай: Нелегально, я был послан УДБ.

Председатель: Вы получили обвинительный акт?

Ник Рудай: Получил.

Председатель: Признаете ли вы себя виновным?

Ник Рудай: Признаю, что прибыл в Албанию нелегально, действуя по указаниям и приказу УДБ, и привез с собой денежную сумму с целью ее обмена в банке, но не признаю себя виновным в убийстве сержанта пограничных войск Ндуге Марку.

Председатель: Подсудимый, отвечайте на вопросы прокурора.

Прокурор: Прежде чем говорить нам о вашей преступной и диверсионной деятельности против Народной Республики Албания, скажите нам, какое ваше социальное происхождение?

Ник Рудай: Я происхожу из богатой крестьянской семьи. У меня есть земля и скот в Югославии и в Албании. Я оставил имущество, находящееся в Албании, на попечении одного из моих родственников, а сам с семьей живу в Югославии и занимаюсь земледелием.

Прокурор: Кто побудил вас отправиться нелегальным путем в Албанию, как вы сюда проникли и какое у вас было поручение?

Ник Рудай: Ночью, 6 октября 1949 года, я был разбужен стуками в дверь. Моя жена открыла. Вошли два офицера УДБ, Никола и Ратко, в сопровождении двух агентов, албанцев, из коих один был югославским подданным; я давно знал их и знал как их зовут: Ндок Зеф Прес и Зеф Гьек Кота.

Югославские офицеры предложили мне нелегально отправиться в Албанию вместе с Ндоком и Зефом, установить по прибытии туда связь с Томом Гьергьи и с его помощью обменять в банке сумму в 156 000 лек.

Прокурор: Вы согласились исполнить это поручение?

Ник Рудай: Сначала я отказывался, не желая оставлять жену одну, но, поддаваясь настойчивости офицеров УДБ, я согласился услужить им. Они проводили меня вместе с двумя агентами до границы. Дойдя до берега Буны, мы нашли готовый плот, которым управлял Зеф Гьек из Штоя (Улкин). Мы перешли границу в два часа утра. Перевозчик довел нас до пункта, называемого Брегна, и потом вернулся обратно.

Прокурор: Что вам еще поручили исполнить представители УДБ?

Ник Рудай: Они велели нам в тот же день обменять албанские деньги в банке и на следующий день, в пятницу, вернуться к плоту, который будет ждать в условленном месте; чтобы дать знать о нашем прибытии мы должны были зажечь несколько спичек.

Прокурор: К кому вы обратились в Албании?

Ник Рудай: Придя в село Речи, мы направились к Тому Гьергьи и

прождали его всю ночь во дворе дома. Мы объяснили ему причину приезда и передали ему деньги для обмена. Он поручил своим двум сыновьям пойти в Шкодер и обменять деньги в двух тамошних банках.

Прокурор: Вознаградили ли вы Тома за эту услугу?

Ник Рудай: Да, мы дали ему 10 000 лек.

Прокурор: Был ли известен Том Гьергьи в Югославии?

Ник Рудай: Нас к нему послали. Он уже несколько раз исполнял подобные поручения.

Прокурор: Что произошло потом?

Ник Рудай: Сыновья Тома вернулись в полночь, а в 2 часа утра мы вышли от него и направились к границе.

Прокурор: Вы не сказали нам снабдили ли вас в Югославии оружием при отправке сюда?

Ник Рудай: Офицеры УДБ дали каждому из моих спутников по винтовке югославского образца, а мне не дали.

Прокурор: Чем объясняете вы, что именно вам не дали оружия?

Ник Рудай: Я не знаю.

Прокурор: Вы вероятно отвечаете так, желая скрыть от нас нечто более важное, случившееся позднее. Продолжайте.

Ник Рудай: Мы подошли к берегу Буны в условленном месте и не нашли там плота. Мы стали сигнализировать спичками и сожгли целую коробку, но плот не появлялся. Внезапно я услышал голоса и сказал своим спутникам, что нас окружили албанские пограничники. Нам приказали остановиться, но мы не послушались и бросились бежать. Пограничники открыли огонь, мы отвечали. Укрывшись от них с трудом, мы были снова обнаружены ночью и снова началась перестрелка. Я не стрелял, только мои спутники. Во время этой перестрелки я был ранен.

Прокурор: Кто же убил сержанта пограничных войск Ндуе Марку?

Ник Рудай: Я его не убивал, у меня не было винтовки.

Прокурор: Подсудимый, на следствии вы признали себя виновным и подробно показали, как вы убили сержанта, почему же вы теперь упираетесь?

Ник Рудай: Это неправда. Я ни в чем не признавался.

Прокурор: Разве, когда я вас спрашивал, вы не заявили мне со слезами на глазах: „Я пролил кровь“?

Ник Рудай: Это неправда.

Прокурор, обращаясь к суду, говорит, что позднее, после допроса всех обвиняемых, он представит новые доказательства виновности Ника, а пока просит прочесть протокол следствия, содержащий показания подсудимого по поводу убийства сержанта.

Секретарь читает последний параграф протокола следствия (стр. 3):

„Получив деньги, мы часа в два утра направились к югославской границе. У каждого из нас было по югославской винтовке. Вышедши от Тома

Гьербги, мы прямо пошли к берегу Буны, к месту, называемому Брегна. Один из нас, Ндок Зеф, шел впереди, метрах в пяти от нас, потом шел я, а за мной Никола. У самого берега Буны нас встретила албанская пограничная охрана. Нам крикнули „стой!“, но мы бросились бежать, и началась стрельба. Тогда я остановился и дал пять выстрелов по пограничникам; тем временем я потерял своих спутников. Когда перестрелка затихла, я вернулся назад и спрятался в камышах, на берегу Буны, просидев там весь день.

„За два часа до захода солнца, албанские пограничники вернулись и окружили меня. Один из них в чине сержанта, как я узнал позднее, шел по моим следам. Он не видел меня. Я подождал, и, когда он приблизился на 5 или 6 метров, я выстрелил и убил его на месте. Пограничники открыли по мне огонь, я получил три ранения и перестал стрелять, даже если бы у меня было пятьсот ружей. Я бросил винтовку на том месте, где убил сержанта, там же оставил кошелек с деньгами и пустился бежать по воде, вдоль берега Буны...“

Прокурор: (Указывая на винтовку): Вот югославская винтовка, из которой вы убили сержанта.

Ник Рудай: Нет, это не моя винтовка.

Прокурор: Вы — шпион, вы — убийца сержанта Ндуе Марку. Его тело покоится в земле, но Ндуе Марку здесь рядом со мной и своей израненной рукой предлагает мне заставить вас, убийца, сказать правду, не лгать и сознаться перед албанским народом, который вас слушает, в вашем гнусном преступлении.

Ник Рудай молчит и бледнеет.

Прокурор: Вы захлебнулись кровью вашей жертвы. Кровь сына народа, который выполнил свой священный долг перед родиной, вас мучает. Продолжайте, подсудимый.

Ник Рудай: Невзирая на раны, мне удалось добраться до Кола Зефи; я застал его сына, назвал себя и рассказал ему об опасности, заставившей меня искать у него убежища. Я сказал ему, что ранен и умираю, и просил дать мне напиток. Он ответил, что ничего не даст и выдаст меня властям. Я стал умолять его не делать этого, потому что меня расстреляют, и просил помочь мне перейти границу в Югославию. Он и его домашние отказались и дали знать пограничному посту. Меня задержали. На посту я нашел свои вещи, кошелек, ботинки, но винтовки я там не видел.

Прокурор: Правда ли, что вы сказали сыну Кола Зефи, что имели стычку с албанскими пограничниками и были ранены во время этой перестрелки?

Ник Рудай: Нет, я ничего не говорил сыну Кола Зефи о своей стычке с пограничниками. Я сказал только, что с ними перестреливались мои спутники.

Прокурор: Куда делись ваши спутники?

Ник Рудай: Мне кажется, что они переплыли реку и ушли на ту сторону.

Прокурор: Эти агенты УДБ и прежде проникали нелегально в Албанию?

Ник Рудай: Да, я наверное знаю, что они часто бывали в Албании.

Прокурор: Товарищ председатель, у меня нет больше вопросов.

Председатель: Желают ли товарищи судьи или защита задать вопросы подсудимому?

Защитник Кол Димитри: Господин председатель, прошу спросить у подсудимого упирался ли он и отказывался ли он вначале от предложенного ему УДБ поручения.

Председатель: Ник, отвечайте.

Ник Рудай: Не долго; я видел с какой настойчивостью офицер УДБ посылал меня в Албанию для обмена денег.

Председатель: Признаете ли вы показания, данные вами на предварительном следствии и отмеченные в протоколе?

Ник Рудай: Я не признаю той части протокола, в которой указано, что у меня была винтовка и что я убил Ндуе Марку.

Председатель: Объявляю заседание закрытым. Следующее заседание состоится 30 апреля 1950 года в 10 часов утра.

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО АРИФА ДУКА

Председатель: Ариф Дука, подойдите к микрофону (Ариф встает и подходит).

Председатель: Получили ли вы обвинительное заключение и понятна ли вам сущность обвинения?

Ариф Дука: Получил и сущность мне его ясна.

Председатель: Признаете ли себя виновным?

Ариф Дука: Да, признаю.

Председатель передает слово прокурору.

Прокурор: Какое вы имеете подданство?

Ариф Дука: Я югославский подданный.

Прокурор: К какой социальной категории вы принадлежите?

Ариф Дука: Я крестьянин середняк.

Прокурор: У вас была земля в Албании?

Ариф Дука: У меня была земля в Албании и Югославии, но я предпочитал свой участок в Югославии, потому что земля там плодороднее.

Прокурор: Были ли вы участником банды Балли Комбетар?

Ариф Дука: Был, но не проявлял активности.

Прокурор: Какие у вас были отношения с Хисни Дема?

Ариф Дука: Он меня мобилизовал, как и других крестьян, и послал

меня сражаться против партизан, но я не участвовал в вооруженных схватках.

Прокурор: Когда начали вы работать в пользу югославской разведки?

Ариф Дука: Если не ошибаюсь, югославская разведка завербовала меня своим агентом за полтора года до Резолюции Информбюро.

Прокурор: Кто вас завербовал?

Ариф Дука: Меня завербовал лейтенант УДБ Стаф Ллешу при следующих обстоятельствах: в один из ярмарочных дней, лейтенант вызвал меня в ОЗН — так называлась в то время УДБ, и предложил мне поступить к нему на службу в разведку. Я ответил согласием и подписал заявление. При этом лейтенант Стаф пригрозил мне расстрелом в случае, если бы я проговорился, и уточнил, что сноситься я должен только с ним.

Прокурор: Продолжали ли вы его информировать после предательства Тито?

Ариф Дука: Когда я не являлся со сведениями к лейтенанту Стафу, он посылал за мной агента полиции. Так как я к нему ходил редко, то он неоднократно обращался в полицию. Помню, как однажды он наградил меня пощечинами за небрежное отношение к взятым на себя обязательствам.

Прокурор: Расскажите как вы пробрались в Албанию, чтобы вести подрывную работу против конституционного строя республики?

Ариф Дука: Перед последней с ним встречей лейтенант Стаф послал за мной агента. У него я застал другого офицера УДБ. Стаф спросил меня почему я к нему не захожу и, попросив прощения за нанесенные мне удары, обратился ко мне со следующими словами: „У тебя, Ариф, много друзей в Албании. Поезжай туда и возьми с собой листовки и прокламации, которые я тебе дам. Ты получишь от нас оружие, деньги, продовольственные продукты и одежду для семьи. Мы дадим тебе все, что тебе нужно, дадим и спутников. Листовки ты будешь разбрасывать проходом в селах, на улицах, будешь расклеивать плакаты на стенах мечетей и школ. Иди и разверни преступную деятельность в Албании, делай все, что тебе покажется нужным. Поступая так, ты завоеешь к себе доверие. Убивай офицеров, младший командный состав, бойцов, служащих, режь телефонные провода, делай все возможное, нам это от тебя нужно“.

После этого Стаф назвал мне имена лиц, которые должны были мне сопутствовать. То были Назиф Байрами, Шази Фида, Гани Сефери и другие указанные мною в протоколе следствия лица. Я отказался пуститься в дорогу с названными лицами и согласился подчиниться приказу при условии, если мне дадут в спутники верного мне друга Билала Мьештери. Его я хорошо знал и ему всецело верил, зная, что если меня убьют, он не оставит моего тела по ту сторону границы.

Лейтенант Стаф согласился и поручил мне переговорить с Билалом. Но так как Билал в разговоре со мной отклонил предложение, то я и ответил УДБ отказом принять поручение.

18 июня 1949 года лейтенант Стаф Ллеша вызвал меня в третий раз в УДБ. В этот день заболела моя жена, и я привез ее в город, чтобы показать врачу. В то время как я искал доктора, ко мне подошел милиционер и предложил явиться к лейтенанту Шефки Ллеша, начальнику милиции в Дибре. Я пошел, и первый заданный вопрос был указать ему где находилась моя жена. Я ответил, что привез ее в Дибру для медицинской консультации. На что Шефки приказал мне явиться через два часа с женой, а на мои возражения, что она больна и не может прийти, он повторил в категорической форме свое требование. Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться. Оставив жену в приемной, я вновь явился к Шефки. „В который раз вы женаты?“ — спросил он меня. „Второй“—ответил я. „Правда ли, что вы бросили свою первую жену?“ „Мы разведены, — сказал я, — и я сейчас законно женат на своей теперешней жене“. „Знаете ли вы, — продолжал он, что ваша первая жена приходится мне родней, что я жив и не потерплю подобного поступка?“. После чего он велел мне выйти, позвал жену и продержал ее 2 часа подряд у себя в кабинете.

Выйдя, жена мне рассказала, что начальник милиции лейтенант Шефки заставил ее силой подписать заявление, в котором говорилось, что она вышла за меня замуж против своей воли, под давлением моих угроз и насилия. Кроме того, он ей велел обратиться в суд с жалобой на меня.

Тут все стало для меня ясным; я оставил жену у матери и направился к селу. По дороге мне случайно повстречался лейтенант Стаф. „Решился ли ты, наконец, выполнить порученное тебе задание?“—обратился он ко мне. „Подумай хорошенько, в противном случае тебе придется покатать“. И я согласился.

По дороге в село я понял, что если не подчинюсь требованию УДБ, меня арестуют или даже убьют. Мне осталось только бросить дом и семью и пойти в Албанию.

Прокурор: Когда же вы пробрались в Албанию?

Ариф Дука: 19 июня 1949 г. я перешел границу и сдался албанскому посту в Ршени.

Прокурор: В каком участке вы перешли границу и были ли вы замечены пограничниками?

Ариф Дука: Я перешел границу на ровном, открытом месте. Албанские пограничники заметили меня сразу и долго следили за тем, что я буду делать.

Прокурор: Скажите правду, обвиняемый, вы сами сдались или же вас поймали пограничники?

Ариф Дука: Я добровольно сдался.

Прокурор: Назовите суду настоящую цель вашего перехода в Албанию и что вам здесь нужно было?

Ариф Дука: Я уже заявлял раньше о целях моего прихода сюда.

Прокурор: Что же тогда заставило вас предложить Билалу Мьештери

вас сопровождать? Разве ваш отказ исполнить поручение без Билала объясняется боязнью опасной авантюры?

Ариф Дука: Я обратился с предложением к Билалу, потому что не сомневался в его отказе.

Прокурор: Товарищи судьи, у меня сложилось убеждение, что заявления подсудимого, объясняющие тайный переход им республиканской границы, неискренни. Нельзя придавать значения словам агента УДБ, да еще такого, как обвиняемый. Но нельзя обойти молчанием и другого — гнусных методов, применяемых палачами Ранковича не только против честных патриотов, сражающихся за освобождение Югославии от подлых агентов империализма, но и против своих же приспешников, когда последние из страха не решаются выполнить преступных приказов.

Приведенные факты лишний раз свидетельствуют о режиме террора и угнетения, господствующем сегодня в Югославии.

Прокурор, обращаясь к обвиняемому: Скажите, подсудимый, что вы знаете о диверсионных актах, организованных белградскими троцкистами против Народной Республики Албания.?

Ариф Дука: УДБ в Дибре содержит значительное число агентов-диверсантов, которых она время от времени посылает в Албанию с разными поручениями. Лично из этих агентов я знаю Гани Сефери из Лложа в Пешкопи, Джетана Колеши, Али Дачи из Саллокича в Югославии, Тефика Кайя, Назифа Байрама, Шазе Фике и многих других, имен коих я не помню. Эти агенты организовали базы в разных местах Албании и занимаются исключительно названной деятельностью.

Югославская УДБ оплачивает и поддерживает в своих целях видных военных преступников, бежавших из Албании из-за совершенных ими преступлений против албанского народа. Среди них, я знаю, находятся Дан Калоши, Сен Елези и Хисни Дема.

Я видел, как югославские солдаты, согласно инструкциям УДБ, роют окопы в районе Кайнар, Саллокича и Спозы и вдоль всей пограничной полосы. Еще в мае 1949 года, спускаясь с гор в равнину, я встретил трех офицеров, приехавших на извозчике, из которых один был в высоком чине. Офицеры обратились ко мне с расспросами о реке Дрин и хотели узнать, где находится брод. Как вы знаете, в этом районе река Дрин является границей и отделяет обе страны. Они интересовались профилем берега, местами, куда могут подойти автомашины и повозки. Подобного рода расспросы продолжались около часа, и всякому должно было показаться ясным, что указанные меры имели целью подготовку и организацию нападения и диверсионных актов против Народной Республики Албания для нарушения ее целостности и независимости.

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО МУХАРРЕМА ЯЗЕДЖИУ

Председатель: Вы согласны с обвинительным заключением?

Мухаррем Язеджиу: Нет, не согласен.

Председатель: Отвечайте на вопросы товарища прокурора.

Прокурор: Чем вы занимались во время оккупации?

Мухаррем Язеджиу: С начала 1942 года и до сентября 1943 года я служил в гвардейской жандармской части Виктора Эммануила в Риме. После капитуляции Италии я вернулся в Албанию через Югославию.

Прокурор: К моменту вашего возвращения в Албанию разгорелась ли уже партизанская борьба против оккупантов и какова была ваша позиция по отношению к ней?

Мухаррем Язеджиу: Я поступил на службу Балли Комбетара и не сражался против немцев.

Прокурор: Сражались ли вы против партизан?

Мухаррем Язеджиу: Все без исключения члены организации сражались против партизан, но я не сражался.

Прокурор: Были ли вы в то время штатским или военным?

Мухаррем Язеджиу: Я был тогда жандармом организации Балли Комбетар.

Прокурор: Получали ли вы вознаграждение за службу от оккупационных властей?

Мухаррем Язеджиу: Я получал регулярно свою заработную плату.

Прокурор: К кому вы были прикомандированы?

Мухаррем Язеджиу: Я состоял при члене организации Шикри Враништи, командовавшем жандармской ротой в Корче.

Прокурор: В каком это было году?

Мухаррем Язеджиу: В 1944 году.

Прокурор: Помните ли вы, как в 1944 году жандармские части в Корче преследовали, мучили и убивали пионеров освободительного движения и всех симпатизирующих ему?

Мухаррем Язеджиу: Да, я хорошо помню убийства, совершенные членом организации Балли Комбетар младшим лейтенантом Исуфом Барути и его приспешниками, но на моей совести нет никаких преступлений.

Прокурор: У вас есть брат?

Мухаррем Язеджиу: У меня был брат, убитый партизанами.

Прокурор: Сколько времени вы состояли при Шикри Враништи?

Мухаррем Язеджиу: Я состоял при нем до разгрома организации, т. е. до освобождения Корчи народно-освободительной армией. Тогда же я был мобилизован в XV бригаду, где оставался до июня 1946 года, дослужившись до чина сержанта.

Прокурор: Вы были довольны службой в армии?

Мухаррем Язеджичу: Нет, я не был доволен, я ждал повышения в чине.

Прокурор: Выражали ли вы кому-нибудь свое недовольство?

Мухаррем Язеджичу: Выражал и не раз. При всяком удобном случае я передавал бойцам неблагоприятные для Албании новости, услышанные из вражеских радиопередач. Я стремился подорвать уверенность бойцов в победе и разжечь в них пораженческие настроения. Я не терял ни одного случая. Я сочувствовал тому, что происходило в Югославии, ее угрозам по адресу Албании. Мне нравилась бандитская деятельность военного преступника Хамит Матиани, и я об этом открыто беседовал со своими товарищами по части. Я даже говорил тем, кому доверял, что мне хотелось бы, чтобы началась война против Народной Республики Албания.

Прокурор: Долго ли вы оставались в Народной армии?

Мухаррем Язеджичу: До 1947 года, до исключения. Потом я служил кладовщиком на складе Сельскохозяйственной школы в Тиране. Там у меня случилась недостача. Указанные выше причины побудили меня бежать в Грецию.

Прокурор: Вы решили бежать в Грецию или Югославию?

Мухаррем Язеджичу: Сначала я думал бежать в Грецию, но помешал выпавший тогда глубокий снег, и мне пришлось бежать в Югославию.

Прокурор: Говорили ли вы кому-нибудь о вашем намерении бежать, о ваших связях с Югославией и пр.?

Мухаррем Язеджичу: Я беседовал с разными недовольными и реакционно настроенными лицами о создавшемся после разрыва сношений с Югославией положении. Я им говорил о своем желании скрыться в Югославию.

Прокурор: Помог ли вам кто-нибудь перейти границу?

Мухаррем Язеджичу: Меня повел жандарм организации Балли Комбетар и мой товарищ Ариф Измаили. Получив от него указания, как и где перейти границу, я добрался до югославского села Любониш; оттуда, после допроса, меня отправили в УДБ в Охрид. Там меня уже допрашивал какой-то капитан, хорошо знавший Албанию и старавшийся получить подробную и разнообразную информацию.

Прокурор: Что вы сообщили офицеру?

Мухаррем Язеджичу: В ответ на заданные вопросы я рассказал ему о причине своего бегства, о политическом положении в Албании, о количестве недовольных и их политических настроениях, об арестах, о позиции Кочи Дзодзе, о направлении печати и характере пропаганды и о количестве югославских эмигрантов, нашедших приют в Албании. Я говорил ему о наших экономических вопросах, о строящихся фабриках и комбинатах, об их производственной мощности и т. д. Я информировал его об охране границы, о количестве сторожевых постов и пр.

Выведавши у меня все, меня посадили в тюрьму. Я не понимал, чем вызвана была такая мера.

Три дня спустя меня повели в другой отдел, дважды сфотографировали, раз спереди и раз в профиль, заставили подписать заявление, передали какую-то карточку и отправили вновь в тюрьму.

Прокурор: В чем заключалось данное вами заявление?

Мухаррем Язеджю: Я его не понял.

Прокурор: А карточка?

Мухаррем Язеджю: Тоже была для меня непонятна.

Прокурор: Что случилось потом?

Мухаррем Язеджю: Через неделю меня выпустили из тюрьмы и отправили под конвоем в Скопие, а там посадили в повозку вместе с двумя штатскими и лейтенантом пограничников; тогда-то я понял, что меня отправляют в Албанию. Когда же мы приблизились к границе, я получил приказ вернуться в свои родные места, ибо такие элементы, как я, не нужны Югославии. При этом меня спросили предпочитают ли я передачу пограничникам или же тайный переход, на что я выбрал последнее. Так я и поступил и прибыл незамеченным в Корчу. Арестован был значительно позже.

Прокурор: Назовите, обвиняемый, настоящую причину вашего возвращения в Албанию?

Мухаррем Язеджю: Я уже сказал, меня выслали из Югославии.

Прокурор просит огласить протокол показания подсудимого на предварительном следствии.

Секретарь читает заявление подсудимого:

„В марте 1949 года я встретился в Тиране с Микар Кардели и рассказал ему о своем бегстве в Югославию и о том, что там со мной произошло. Я ему говорил, что меня там не долго держали и отправили обратно в Албанию, но на этот раз с тем, чтобы привести с собой 6 человек в Югославию.

Прокурор: Стало быть это была настоящая причина вашего возвращения в Албанию, обвиняемый. Почему вы отрицаете? Что же вас заставило дать подобное показание?

Мухаррем Язеджю: Я сам не нахожу объяснения этому заявлению, но сейчас я говорю правду.

Прокурор: По возвращении в Корчу рассказывали ли вы кому-нибудь о своем бегстве в Югославию и о том, что с вами там приключилось?

Мухаррем Язеджю: Я рассказывал о нем многим недовольным, желавшим бежать из Албании, как например, Хамди Бериша, Хикмету Дине, Неки Синани, Томору Ипи и многим другим.

Эти лица намеревались пробраться в Югославию, но я их разубеждал и советовал не следовать моему примеру, так как их там ждала та же участь, что и меня.

Прокурор: Частые ли были у вас встречи с этими людьми и где?

Мухаррем Язеджю: Мы часто говорили между собой о бегстве и иногда собирались, чтобы потолковать об этом.

Прокурор: Где вы познакомились и Томором Ипи?

Мухаррем Язеджю: Я с ним познакомился в Корче.

Прокурор: Можете ли вы нам указать, где он сейчас находится?

Мухаррем Язеджю: Я узнал, что он бежал в Югославию.

Прокурор: Когда вас арестовали?

Мухаррем Язеджю: Я был арестован органами государственной безопасности после бегства Томора Ипи и после ареста некоторых моих товарищей.

Прокурор: Товарищ председатель, я кончил допрос подсудимого. Мне кажется, что сущность обвинения, которое подсудимый с самого начала отрицает, доказана им самим.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ

Прокурор передает председателю трибунала список свидетелей обвинения. Председатель вызывает первого свидетеля

ТОМА ГЬЕРГЬИ

Председатель (обращаясь к свидетелю Тому Гьергьи): Том Гьергьи, вы вызваны, как свидетель, для выяснения правды.

Согласны ли вы принести присягу в том, что будете говорить правду? Обращаю ваше внимание на тяжелую ответственность за дачу ложных показаний.

Том Гьергьи: Клянусь говорить правду.

Председатель: Сколько раз Ник Прес Рудай приходил к вам домой тайно из Югославии, и было ли у него при себе оружие?

Том: Ник приходил ко мне трижды. Первый раз он пришел в августе 1949 года с Ндоком Зефом из села Штой, района Улкий. Они хотели встретиться со скрывавшимся в окружающих горах Николлом Гьета, обвинявшимся в преступлениях против народа и государства. Я от самого Ника знал, что он для этого был послан югославской разведкой и что ему поручено было организовать диверсионные акты против Народной Республики Албания.

Меня не было дома, когда Ник приходил ко мне во второй раз; я уезжал по делам в Шкодер. По возвращении домой я узнал от моего сына Луиджи о его посещении. На этот раз сыну не известна была причина его прихода.

В третий раз Ник пришел в сопровождении двух лиц — Ндока Зефа и Гьета Деда. Это было в октябре месяце, помню даже день — в четверг вечером. В связи с новым выпуском денежных знаков они попросили меня разменять им в банке в Шкодере некоторую сумму денег. Я поручил это дело сыну, за что Ник предложил мне 3 000 лек.

Ник, как и его спутники, имел при себе винтовку югославского образца, с красным прикладом, как раз ту винтовку, на которую мне указывает господин прокурор.

Получив новые денежные знаки, все трое распрощались со мною и к полуночи покинули дом.

Никакой стрельбы я не слышал.

Председатель спрашивает членов суда и защиту не желают ли они задать вопросов свидетелю. Стороны отказываются.

Председатель, обращаясь к Нику: Ник Прес Рудай, желаете ли вы ответить свидетелю?

Ник Прес Рудай: Заявление Тома Гьергьи не соответствует действительности. Я был у него всего раз, а не три раза, как он утверждает. Винтовка, лежащая здесь, не принадлежит мне.

Председатель: Привести свидетеля

ЛУИДЖИ ГЬЕРГЬИ

Свидетель Луиджи Гьергьи подходит к судейскому столу, приносит присягу и в ответ на вопрос председателя заявляет следующее:

Я знаю Ника, он мой близкий родственник. Перейдя тайно границу, он три раза заходил к нам.

Первый раз он пришел вместе с Ндоком Зефом. Я его тогда лично не видел, но слышал позже разговоры об этом в семье.

Явившись вторично, он передал мне пачку лек и попросил зарыть их в землю. Я исполнил поручение, но потом сжег деньги.

В третий раз он пришел в октябре месяце прошлого года и привел с собою Ндока Зефа и Гьета Деда. Он попросил меня обменять большую сумму денег в банке. С помощью брата я исполнил поручение. У всех трех были винтовки югославского образца, и мне помнится, как Ник прислонил свою винтовку к нашему забору.

Председатель: Ник Прес Рудай, хотите ли вы возразить свидетелю?

Ник Прес Рудай: Господин председатель, я не могу согласиться с показаниями Луиджи Гьергьи, потому что они лживы. Я всего раз был у него в доме и не имел при себе оружия.

Председатель вызывает свидетеля

АСЛЛАНА ХОТИ

Председатель: Трибунал вас вызвал свидетелем для восстановления подлинной картины убийства сержанта Ндуе Марку обвиняемым Ником Прес Рудай. Согласны ли вы присягнуть в том, что будете говорить правду?

Аслан Хоти: Клянусь говорить правду.

Председатель: Расскажите нам при каких обстоятельствах обвиняемый Ник Прес Рудай убил сержанта пограничников?

Аслан Хоти: Это было 7 октября 1949 года. Патрули сторожевого

поста Речи заметили в темноте трех беглецов, пытавшихся перейти границу. Я был тогда солдатом пограничных войск. Об этом было немедленно доложено командиру роты, лейтенанту Мучо Гьока. Взяв с собой меня и еще двух пограничников, лейтенант отправился к месту перестрелки с тремя неизвестными. Там от сержанта Ндуе Марку мы узнали подробности стычки. Посоветовавшись с нами, лейтенант приказал нам разойтись в разные стороны в лес и окружить место. В этот момент послышались выстрелы и сержант свалился, сраженный пулями. Мы тотчас ответили рядом ручных гранат, брошенных по направлению откуда послышались выстрелы, окружили беглецов и, выпустив 10 очередей из автоматических винтовок, тяжело ранили того, который убил сержанта. Под прикрытием темноты раненому удалось избежать окружения и спрятаться в зарослях. Вскоре после этого к нам пришел какой-то крестьянин и заявил, что в его доме лежит раненый, просящий спасти его от преследовавших его по пятам пограничников. Так был пойман обвиняемый.

Тем временем наши пограничники подобрали тело мертвого сержанта и обнаружили неподалеку от места стычки винтовку югославского образца и мешок с деньгами.

Председатель: Ник Рудай, желаете ли вы задать вопрос свидетелю?

Ник Прес Рудай: Господин председатель, я не знаю этого человека и отвергаю его показание. Признаю, что во время происшедшей перестрелки я был ранен.

Аслан Хоти: Позвольте мне, товарищ председатель, добавить, что я нес на плечах подсудимого, получившего тяжелые раны, до места назначения.

Председатель вызывает затем свидетеля

МАЙОРА ЗИКРИ МЕРО

Председатель: Вы вызваны судом, как свидетель по делу Пренга Дода. Клянитесь говорить сознательно и только правду.

Майор Зикри Мери: Клянусь говорить правду.

Председатель: Что вам известно о готовившемся покушении на вас и на подполковника Мухамета Продани?

Майор Зикри Мери: Я познакомился с Пренгом Дода в августе месяце 1944 года в Колёзе. Он вступил в ряды партизан во время боев I-ой бригады в районе Мирдиты. Подсудимый нам тогда рассказывал, что он бежал из итальянской жандармерии, что его поймали немцы и что он от них позже тоже бежал. Больше мы о его прошлом ничего не знали и поверили его автобиографии. Однажды ночью было решено послать Пренга Дода еще с другими партизанами со служебным поручением в Бюррель. Отдав соответствующий приказ, мои товарищи, Мухамет Продани и я уселись у огня. Вместо того, чтобы сразу исполнить приказ, Пренг Дода стал возиться около двух часов возле нас, готовя гранаты и револьвер, задумав напасть на нас

тут же у огня. Спустя некоторое время он признался нам в том, что хотел с нами расправиться, потому что, посылая его в Бюррель, мы якобы приказали товарищам убить его зади.

Председатель: Почему у Пренга могли появиться такие подозрения?

Майор Зикри Мери: Теперь я понимаю. Вероятно ему показалось, что командованию стало известным его прошлое.

Председатель: Пренг Дода, имеются ли у вас какие-нибудь возражения на заявление свидетеля?

Пренг Дода: Господин председатель, я не намеревался убивать своих товарищей, это неправда.

Председатель: Объявляю заседание закрытым. Следующее заседание, на котором суд выслушает речь государственного обвинителя, назначается на 3,30 пополудни.

Во вторник, после обеда, состоялось следующее заседание Верховного военного трибунала под председательством подполковника Шуаипа Панарити по делу группы агентов-диверсантов на службе клики Тито. Председатель открывает заседание в 3 часа 30 минут и опрашивает стороны не имеют ли они каких-либо заявлений.

Ни прокурор, ни защита не делают ни заявлений, ни предложений.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПРОКУРОРА СИРА ЧАРЧАНИ

ТОВАРИЩИ СУДЬИ !

Трудящиеся нашей страны с глубокой ненавистью к врагам родины и с огромным интересом следят за ходом процесса сидящей перед вами группы агентов, шпионов и диверсантов. Но их интерес к судебному разбирательству и ненависть к заключенным вызваны не только тем, что на скамье подсудимых очутились и дают отчет в преступлениях против родины и народа люди, сохранившие только внешний облик человека, люди морально умершие, бандиты и убийцы, ненавистнейшие шпионы всех времен. Они объясняются главным образом тем, что на той же скамье подсудимых, рядом с обвиняемыми, незримо присутствует возглавляющая эту группу передовая агентура американо-английского империализма, — банда белградских фашистов, — вдохновившая и руководившая всей их преступной деятельностью.

Настоящий процесс, словно путеводный маяк, пролил яркий свет на преступные замыслы фашистской шайки Тито и на ее деятельность во вред нашему народу; он глубоко вскрыл ее цели и вывернул наружу всю подоплеку фашистско-троцкистских подонков; он выявил тайные пути и кровавые методы, которыми пользуется титовская шайка для достижения своих целей. Настоящий процесс лишним раз показал, что в лице белградских фа-

шистов Советский Союз, страны народной демократии и наша страна имеют злейших и заклятых врагов. Он вновь подтвердил, что клике Тито-Ранковича поручена сегодня роль штурмового авангарда империалистов, созданного во исполнение выработанного в Вашингтоне и всем известного плана отрыва стран народной демократии и нашей республики от демократического, антиимпериалистического лагеря, во главе которого стоит доблестный Советский Союз.

Эта враждебная деятельность имеет глубокие корни. Поэтому мне хочется остановиться несколько дольше на ее истории, на разборе ее причин и на обстановке, в которой она зарождалась. Потому что нынешняя деятельность югославских фашистов является ничем иным, как естественным продолжением, под новой вывеской, прежней деятельности. Недавнее прошлое и настоящее суть две стороны одного и того же целого, взаимно дополняющие друг друга. В них надо искать источник, вдохновляющий преступления, направленные на уничтожение Народной Республики Албания. Займемся разбором этого грозного плана и дадим возможность суду установить и оценить по заслугам опасный характер преступников.

Всем давным-давно известно стремление югославских фашистов колонизировать и поработить наш народ и нашу родину. Ни для кого не секрет ни сущность первого провалившегося плана, воплощавшего эти цели, ни попытка, тоже неудачная, претворения его в жизнь. Прикрываясь потоками пролитой народами Югославии крови, сегодня народами мучениками, думавшими, что они жертвовали жизнью своих сынов за свободу и демократию, фашистская клика Тито, под маской братского содружества, посылает в нашу страну закоренелых агентов и шпионов, чтобы лишить албанский народ плодов его победы, одержанной ценой гибели 28 000 лучших своих сынов, и надеть на него ярмо югославского фашизма. Но против этого преступного и бесчеловечного плана гордо, победоносно восстала наша героическая партия и ее генеральный секретарь Энвер Ходжа, оказавшие несокрушимый отпор врагам. Титовские троцкисты ввели своих агентов, возглавляемых бандитом Кочи Дзодзе, в руководство партии и, опираясь на них, повели бессовестную подрывную работу против партии и ее руководителей. К каким только низким, бесчестным, жестоким, достойным подлинных гангстеров приемам ни прибегали югославские троцкисты и стоящий над всеми ними главный бандит Тито, руководивший исполнением этого преступного плана!

Решительно, стойко, героически сопротивлялись партия и народ и, главным образом, самый достойный сын партии и народа, герой и руководитель, настоящий сталинский последователь, товарищ Энвер Ходжа.

Борьба длилась 4 долгих года. Она принимала самые разнообразные формы и велась с переменной тактикой, неуклонно вырастая в силе и напряжении. Этот период войдет в историю, как славная эпоха самоотверженной борьбы албанского народа, его партии и ее руководителя против троцкизма

и фашизма. Память об этой борьбе будет пробуждать и подогрывать в сердцах албанского народа справедливую ненависть к югославским фашистам. Память о пережитых годах будет укреплять все больше любовь народа к партии, к ее руководителю, верному сталинскому последователю, товарищу Энверу Ходжа.

Наконец, в ходе судебного процесса по делу изменников Кочи Дзодзе, Панди Кристо и др. выяснилось, что существовал уже готовый план и начато было его практическое выполнение, — ликвидация руководства партии, а с ним и свободы и счастья нашего народа.

Над нашим народом, нашим отечеством, над его свободой и независимостью нависла зловещая угроза.

Но в эти тяжелые и критические для албанского народа минуты его, как всегда, поддержали его спаситель — доблестный Советский Союз, большевистская партия и великий Сталин. В своих письмах ВКП(б) сорвала маску с клики Тито и выявила подлинное лицо изменников, — лакеев и шпионов империализма, завербованных в концентрационных лагерях.

Советский Союз, большевистская партия и великий Сталин, давшие нам свободу, спасли еще раз албанский народ от грозного, ужасающего несчастья. Поэтому наш народ будет вечно благодарен и всей душой предан Советскому Союзу, большевистской партии и великому Сталину.

Вот при каких обстоятельствах провалился преступный план против нашей родины и попытка югославских титовцев к его осуществлению. Соинители преступного плана позорно отступили, заслужив к себе ненависть и презрение албанского народа и всего демократического и антиимпериалистического лагеря. Их прокликает сегодня все прогрессивное человечество, а имена их красуются на черном листе международной агентуры, как отъявленных предателей и шпионов, каких когда-либо знала история.

После разоблачения предательства клики Тито не успокаивается и обращается к новым приемам для достижения намеченных американо-английскими хозяевами целей. Фашистская Югославия становится центром пропагандной и шпионской деятельности против Советского Союза и стран народной демократии. В Югославии обучаются и натаскиваются банды шпионов и диверсантов, рассылаемых в страны народной демократии для развертывания шпионской, подрывной и террористической работы.

Американо-английские хозяева поручили своим белградским агентам особую задачу — бороться против Народной Республики Албания. Наша народная республика является важным стратегическим пунктом в тылу империалистического лагеря. Поэтому империалистов особенно подмывает стереть этот пункт с политической карты земли. На выполнение плана, задуманного американцами, работают титовские агенты, греческие монархофашисты и фашисты де Гаспери. Агентура названных трех держав взялась с рвением за работу и сосредоточила свои усилия против нашей страны.

Из Рима вылетают самолеты. За бортом у них шпионы, завербован-

ные среди преступных отбросов эмиграции и обученные в специальных школах; самолеты сбрасывают их на парашютах над нашей территорией.

На южной границе греческие монархо-фашисты создают непрерывные провокационные инциденты и посылают в Албанию агентов, шпионов и диверсантов. Но больше всего изощряется кровавая УДБ Ранковича. Ее агенты принялись за борьбу против нашего народа и забрызгали по локоть руки кровью коммунистов-интернационалистов и честных белградских патриотов.

Каковы же цели этой преступной деятельности? Каковы методы и приемы работы? Из кого состоят кадры работников УДБ и преданных ей сотрудников, составляющих с нею одно целое и используемых в ее преступных целях?

Ответ на эти вопросы можно найти почти целиком в характере обвиняемых, в их прошлой и настоящей жизни, в их заявлениях на суде, их поступках и полученных ими заданиях, которые они не успели выполнить. Из показаний самих обвиняемых неопровержимо следует, что они агенты УДБ, посланные в Албанию в целях пропагандной, вредительской и террористической деятельности. Из их же показаний явствует, что УДБ Ранковича, — кровавое орудие югославских палачей, — организовала вдоль всей границы особые пункты, в которых она сосредоточивает агентов, тренирует их и потом посылает на подрывную работу против Народной Республики Албания и свободы нашего народа. По всей длине границы, от Улькина и до Подгорицы, Дибры, Охрида, темной ночью, из фашистской Югославии ползком просачиваются к нам агенты УДБ; они нагружены листовками и гранатами, пропагандным материалом и террористическим оружием, и им поручено развернуть, как можно шире, подрывную и террористическую деятельность и убивать кого попало и как попало.

Таковы директивы, данные лейтенантом УДБ в Дибре, палачом Стафом Ллешу, своему старому агенту Арифу Дука: „Ты должен отправиться в Албанию, — сказал он ему, — развить преступную деятельность, делать все, что сможешь, мы дадим тебе полную свободу. Чем больше ты будешь так поступать, тем больше вызовешь к себе доверия. Убивай офицеров, младший командный состав, бойцов и служащих, режь телефонные провода, мы даем тебе полную свободу делать все, что ты сможешь“.

Такие же указания дает, конечно, офицер УДБ кровопийце и преступнику Нику Прес Рудай, который в точности выполняет полученные директивы и в ночь на 8 октября 1949 года убивает сержанта пограничников, славного и верного сына Мирдиты и всего албанского народа, Ндуе Марку.

Чудовищная преступная деятельность фашистов развертывается естественно и в самом Белграде, где находится центр и мозг всей организации. Офицер УДБ Иован не останавливается ни перед какими препятствиями и, переступая нормы и положения международного права, дает следующее задание своему агенту Тоди Коровеши, носившему кличку „Дайти“: „Пойди в

албанское посольство, назови его сотрудников жалкими и подлыми авантюристами, оскорби их и стреляй по ним“.

Вдоль всей границы и в самом центре предательской деятельности в Белграде работники УДБ подстрекают своих агентов на преступления и убийство сынов албанского народа и наших дипломатических представителей. Отсюда ясно видно, что представляет собой УДБ, какой террористической сетью она располагает и как она освоила и развила методы гестапо.

Нет! Подобное организованное подстрекательство к преступной и кровавой деятельности не имеет равного в истории. Это последняя, крайняя черта, это предел морального и политического упадка, это — последняя стадия вырождения человечества.

Кого же использует югославская охранка для работы против нашего отечества?

Сидящие на скамье подсудимых обвиняемые составляют группу агентов, выделенную из крепко сплоченной массы подручных Тито; она олицетворяет в миниатюре основную массу, из которой образовалась сама УДБ, ее состав, род деятельности и пр. Кто же такие участники этой организации?

Пренг Дода — это агент СИМ и гестапо и кто его знает чей еще. Азис Кара — тоже агент СИМ и младший лейтенант германской армии, Мухаррем Язеджу — жандарм и башибузук организации Балли Комбетар, Ариф Дука — жандарм Хисни Дема, Ник Прес Рудай — преступник и шпион, Тоди Коровеши — молодой дегенерат, бесхарактерный и аморальный, готовым служить кому угодно.

Такова поверхностная характеристика обвиняемых, которых УДБ вербует и посылает на работу против нашей страны. Это все матерые агенты фашизма и нацизма. Вот почему УДБ стала истинным преемником СИМ и гестапо. УДБ не только усвоила методы этих последних. Она пользовалась и непрерывно пользуется услугами бывших агентов СИМ и гестапо, она их вербует и зачисляет в свои ряды. Да и не может быть иначе. Титоизм это тот же фашизм, а УДБ — та же гестапо. Рассмотрим теперь к каким методам прибегает УДБ для вербовки своих агентов?

Когда вскрылось из под маски подлинное фашистское лицо Югославии, недовольные граждане нашей страны, люди, пользовавшиеся привилегиями во времена антинародных режимов прошлого, угнетатели и паразиты, беи и торгаши, сатрапы и кровопийцы, офицеры старой гвардии, служившие нацизму и фашизму, боровшиеся против народно-освободительного движения, против народа, агенты и шпионы СИМ и гестапо, одним словом все отбросы прежнего общества, люди морально извращенные, потерявшие рассудок и совесть, навострили уши. В белградском фюрере они почуяли нового хозяина, и в них загорелась искра надежды; их потянуло к нему на службу. Тем временем фашистская агентура Тито подстрекала недовольных покидать родину и бежать в массовом масштабе в Югославию. Первыми перебежчиками

фашистов оказались немногочисленные преступники, потерявшие возможность укрываться от преследования органов государственной безопасности даже в самых непроходимых горных участках и ждавшие с трепетом смерти. Этим преступникам и предателям народа югославские фашисты уготовили сердечный прием, они их завербовали в ряды УДБ и превратили сегодня а преданных себе агентов, которых они используют против нашей страны. За ними поспешили многие недовольные режимом, полакомившись перспективой старой жизни в фашистском „раю“ Тито. Но тем из них, кому удалось проникнуть в Югославию и спастись от огня албанских пограничников, пришлось столкнуться с горькой действительностью. Они сразу же попали под покровительство УДБ, которая зачислила их в так называемые бригады и дала им в руки лопату, чтобы оправдать свое содержание. В бригадах производился отбор наиболее подходящих людей, старых агентов и шпионов, достойных петли, которым поручено заниматься преступной и террористической деятельностью против нашей народной республики.

Из такого теста пекутся и формируются агенты УДБ. Само собой разумеется, что у подобных людей существуют все основания служить в рядах УДБ. Да и выхода то у них другого нет. Потому что даже в случае отказа подчиниться, большей частью из страха перед опасностью службы, УДБ прибегает к своему излюбленному оружию принуждения, — к террору, — которое она обращает не только против народов Югославии, но и против своих непокорных слуг.

Подсудимый Ариф Дука рассказал на суде, как после отказа отправиться в Албанию для совершения диверсионных актов и убийств, вызванного страхом перед албанцами, которых он хорошо знал, как знал и то, что они его убьют, лейтенант УДБ Стаф Ллеша набросился на него с угрозами и избил. Когда же и побои не помогли и не успокоили опасений шпиона, лейтенант вторгся в его семейную жизнь. Он вызвал жену, пригрозил ей и заставил силой подписать заявление о том, что она вышла замуж якобы по принуждению и не любила мужа.

Настоящий эпизод из жизни презренного шпиона свидетельствует о том, в какой неуверенности живут люди в фашистской Югославии и каким неограниченным могуществом обладает УДБ, попирающая ногами самые элементарные права граждан и священные обычаи страны.

В ходе процесса выяснилось существование двух неравных категорий людей в Югославии: с одной стороны фашистов и с другой — народа. По одну сторону — сидящая здесь на скамье подсудимых клика Тито, окруженная горстью янычаров, угнетающих и уничтожающих народы Югославии. По другую, — далеко от этой клики, на расстоянии земли от неба, в непрерывной борьбе с ней, на почетном месте, — народы Югославии, народы мученики, страдающие и борющиеся за свою свободу, против палача Тито. Решительно, с непоколебимой верой в победу, эти народы отстаивают свои права и ведут непримиримую борьбу.

Даже шпионам, которых мы сегодня судим, пришлось столкнуться в своей деятельности с этим сопротивлением и борьбой и ужаснуться. Шпион Тоди Коровеши рассказал на суде о своей встрече с такими борцами в подвалах белградской УДБ Ранковича. Эти люди, не зная кто он такой и увидя какой бледностью было покрыто его лицо, стали ободрять его, старались укрепить его моральное состояние; они вдохнули в него бодрость, которой так много у этих мужественных борцов.

В свою очередь, шпион Азис Кара показал, что в пути между Бераном и Подгорицей, в автомашине, с ним ехало несколько арестованных охранкой Ранковича, среди которых один майор. Как только последние узнали, что с ними едут шпионы, они устроили грандиозную демонстрацию, стали плевать шпионам в лицо и кричать: „Да здравствует Советский Союз, да здравствует великий Сталин, да здравствует албанский народ и товарищ Энвер Ходжа!“.

В Югославии лучшие сыны народа высоко держат знамя пролетарского интернационализма. Они восстают против клики Тито с уверенностью в победе и с неугасимой любовью к Советскому Союзу и великому Сталину, к странам народной демократии и их руководителям, ко всему лагерю мира.

Товарищи судьи!

Перед вами группа опаснейших бандитов, предателей, диверсантов и убийц. Трудно найти более отъявленных шпионов и изменников. Только УДБ, как преемнице гестапо, под силу набрать и сотрудничать с такими людьми.

Товарищи судьи!

Вы видели, слышали и присмотрелись к обвиняемым. Возьмите хотя бы Пренга Дода? Чей по настоящему он шпион? Итальянцев ли, немцев ли или же Ранковича — это неясно. Ясно только одно, — что он шпион и работал в пользу всех трех. И, как этого требует данное ремесло, чтобы быть хорошим шпионом, надо уметь лгать и клеветать. Поэтому Пренг Дода пытался лгать и отрицать первый пункт обвинения, т. е. то, что он военный преступник. Но он не мог отрицать своей службы в частях карabinieri и окончания специальной школы в Риме. Он не осмелился отрицать своей работы, как квалифицированный жандарм, и полученных повышений. Характер этой работы не составляет секрета, а повышения в чине даются только в награду за добросовестную и ревностную жандармскую службу. Подсудимый Пренг Дода не мог не признать того, что он дважды был послан на курсы квалификации гестапо в Гамбург. Спрашивается, на кого мог пасть выбор немцев при формировании квалифицированных агентов и пополнении ими самых надежных своих частей? И не отбирали ли они для этого людей, кровью и террором запечатлевших полную им преданность, т. е. качествами, без которых немисливо поступление в гестапо? Пренг Дода получает по окончании курсов чин старшего унтер-офицера гестапо. За какие иные заслуги стали бы повышать в чинах служащих в частях СС?

Отличия СИМ и гестапо на плечах и ворота подсудимого являются заслуженной наградой за всю ту кровь, которой он обогрил свои руки.

Виновность подсудимого в непосредственном совершении военных преступлений доказана судебным следствием. Само собой разумеется, что ее трудно было воспроизвести фотографически, да и нельзя этого требовать. Но налицо материальные доказательства преступной деятельности обвиняемого — участие в преступных организациях СИМ и гестапо, посылка на курсы квалификации названных организаций, быстрое повышение по службе. Эти факты сами по себе логически раскрывают всю правду: обвиняемый Пренг Дода совершил ряд преступлений и был за то вознагражден. Что же касается его деятельности, как агента и шпиона югославской УДБ, а раньше майора Байо, то и эта деятельность полностью доказана. Сам обвиняемый рассказал суду о своем бегстве с Азисом Кара в фашистскую Югославию, о передаче УДБ информации военного, политического и экономического характера и о поступлении к ней на службу в роли шпиона и агента-террориста, работавшего против нашей народной республики. Он описал суду, как проникал в Албанию, нагруженный пропагандным материалом, содержащим ложь и клевету по адресу Советского Союза и нашей страны, вооруженный ручными гранатами, с заданием распространять манифесты и листовки, вести пропаганду в пользу югославских фашистов, завязывать сношения и организовывать секретные базы в Шкодере и других местах и подстрекать к бегству и уводить с собой как можно больше недовольных и враждебно настроенных к народной власти лиц, которых УДБ могла бы использовать как агентов против нашей страны. Пренг успел разбросать манифесты и листовки, но арест помешал ему выполнить до конца свою преступную миссию.

Все эти обвинения, равно как и обвинение в растрате денег и материала, принадлежащего отделению Красного Креста в Шкодере, были подтверждены на суде заявлениями самого подсудимого, показаниями обвиняемого Азиса Кара и пропагандным материалом, найденным при подсудимом и представленным суду, как материальное доказательство.

Что касается Ника Прес Рудай, то из всего разбирательства дела следует и полностью доказано, что этот закоренелый агент и шпион УДБ по меньшей мере трижды проникает по ее поручению в Албанию, чтобы организовать базы для беглеца и преступника Николла Гьета, чтобы распространить фашистскую пропагандную литературу, провести обмен денег и развить подрывную и террористическую деятельность. Во время своего последнего перехода границы он убивает сержанта пограничных войск Ндуе Марку. Обвиняемый сознался в преступлениях, но отрицает убийство сержанта. Однако и последнее преступление полностью подтверждается показаниями свидетелей Тома Гьергьи, Луиджи Гьергьи и Асллана Хоти, а также материальными доказательствами, винтовкой югославского образца, найденной на месте преступления.

Обвинение, предъявленное подсудимому Тоди Коровеши, в свою очередь, исчерпывающе доказано судебным следствием. Признание самого обвиняемого на суде, его заявление в УДБ о поступлении на службу в качестве агента и шпиона, кличка „Дайти“, данная ему УДБ, и протокол следствия свидетельствуют о шпионской работе подсудимого в пользу титовской фашистской клики, как ее агент. Услуги, оказанные им УДБ, и опасный характер этого авантюриста, лишенного совести и морали, отображаются в особом задании, порученном ему УДБ, — спровоцировать и убить наших дипломатических представителей в Белграде.

В ходе процесса выяснилось, что Азис Кара, как и его сообщник Пренг Дода, тоже военный преступник. Он преданно служил фашизму, был начальником тюрьмы при квестуре. Его деятельность на этой ответственной должности и связь и сотрудничество с известными убийцами и преступниками вроде Яни Кристо, Мана Кукалеш и других квалифицируют его, как военного преступника. Шпионаж, пропаганда против интересов страны и поступление на службу УДБ являются тяжелыми преступлениями на совести этого врага народа, признанными на суде самим обвиняемым и подтвержденными ходом событий.

Добровольная сдача в руки органов государственной безопасности отнюдь не свидетельствует о запоздалом раскаянии этого преступника. Террор и нищета титовского „рая“, тяжелые задания, которые ему поручала УДБ, и страх — таковы причины предпринятого шага. Но независимо от побуждений обвиняемого, поступок его должен быть рассмотрен, как смягчающее вину обстоятельство.

Мухаррем Яездежу, продолжая идти по избранному им предательскому пути и тоскуя по фашистским хозяевам, бежит в Югославию. Там он становится на услужение УДБ, делается ее агентом и гнусным шпионом, начинает собирать для УДБ информации и возвращается в Албанию, чтобы подстрекать и помогать другим бежать туда же. Мухаррем Яездежу усердно работает в этом направлении и подготавливает бегство Томора Ипи и его сообщников. Следственный протокол и признание подсудимого полностью подтверждают вредительскую деятельность обвиняемого и являются подлинным обоснованием предъявленных обвинений.

Попытка агента УДБ Арифа Дука стать на путь диверсионной и шпионской деятельности против нашей родины и народа доказана по существу его согласием выполнить данное ему лейтенантом УДБ Стафом Ллешу поручение проникнуть в Албанию совместно с Билалом Мьештери. Впрочем, ему самому хочется привлечь к работе последнего. С этой целью обвиняемый отправляется к Билалу Мьештери и предлагает ему сотрудничество против нашей страны. Но отказ Билала заставляет подсудимого уклониться от выполнения приказа УДБ; чтобы избежать нажима хозяев, он бежит в нашу страну.

Товарищи судьи!

В основе обвинительного заключения против шести подсудимых лежат неопровержимые доказательства.

Я утверждаю, что перечисленные в обвинительном акте обвинения полностью доказаны. Да и подсудимые, в общих чертах, признали свою вину. Все они подтвердили, что были завербованы, как агенты югославской УДБ, и посланы в Албанию для шпионской и террористической деятельности. Некоторые из них, правда, пытались отрицать отдельные пункты обвинения, особенно обвинение в совершении военных преступлений.

Но я осветил эти вопросы во время разбора преступной деятельности каждого из обвиняемых в отдельности, и мне кажется, что они не вызывают больше никаких сомнений. Я представил достаточные материальные доказательства виновности подсудимых. Большого от нас нельзя и не следует требовать. В делах, касающихся шпионажа, каким является данный процесс, основанного на секретной и тщательной подготовке и работе, трудно проникнуть и раскрыть все детали. Никогда ведь агенты и шпионы не носят на себе профессионального ярлыка и не регистрируют своей профессии в конторах по приисканию службы. Агенты СИМ, гестапо и другие проводят свою работу тайком и тщательно скрывают свою шпионскую профессию. Поэтому достаточно, в данном случае, одного подтверждения принадлежности обвиняемых к разряду шпионов. Поэтому, тот факт, что Пренг Дода числился в гестапо и был одним из лучших ее агентов, что он получил особую квалификацию на курсах шпионажа, является сам по себе ярким и исчерпывающим доказательством его вины и принадлежности к категории подлинных военных преступников.

Думаю, что в этом вопросе адвокаты согласятся со мной.

Товарищи судьи!

По окончании судебного разбирательства вы удалитесь на совещание и вынесете приговор. Вы должны помнить, что на вас лежит священная обязанность защищать албанский народ от посягательств врагов и их агентов. Ваш приговор должен быть справедливым, но строгим. Он должен олицетворить ненависть албанского народа к белградским фашистам и их агентам и шпионам. Он должен отобразить великую любовь нашего народа к свободе и демократии, к Советскому Союзу и всему демократическому и антиимпериалистическому лагерю и фронту мира. Никто не может и не должен забывать того, что американо-английские империалисты готовят новую мировую бойню, что в подготовке этого кровопролития агенты и шпионы, так называемая пятая колонна, играют очень крупную роль, что сидящие на скамье подсудимых преступники, участь которых вы призваны решить, состоят на службе поджигателей войны и что борьба за уничтожение последних является патриотическим долгом каждого, исторической необходимостью и почетной миссией, продиктованной священной обязанностью защиты мира.

Наш героический народ, которому так дорога свобода, верит вам и ждет от вас справедливого решения. С глубоким чувством любви к Трудовой партии и ее славному руководителю генералу армии Энверу Ходжа он мобилизовал все свои силы на выполнение двухлетнего плана и на строительство основ социализма в нашей стране. Волна небывалого подъема, не имеющего равного в истории, охватила албанский народ. С несказанным героизмом он бросается на штурм трудовых позиций, к новой жизни, к своему счастью.

Но его враги империалисты и их титовские фашистские лакеи, ненавидящие нашу народную республику, пытаются изо всех сил раздавить ее; они стремятся лишить албанский народ свободы и счастливой жизни. Настоящий процесс наглядно показал, как, прибегая ко всевозможным подлым приемам, они посылают в нашу страну своих шпионов и агентов-диверсантов с преступными поручениями. Пренг Дода и остальные шпионы и его сообщники являются живым свидетельством подобной деятельности.

Но пусть американо-английские империалисты и их агенты в Белграде, Риме и Афинах знают, что их гнусные попытки обречены на позорный провал, как это уже бывало не раз. Пора империалистам и их друзьям бросить напрасные мечты. Внешним и внутренним врагам должно, наконец, стать ясным, что участь Пренга ждет всякого, кто осмелится поднять руку на нашу родину. Свободолюбивый и доблестный албанский народ, руководимый своей партией и вождем, стоит незыблемо, как гранитная скала, на защите своих прав. Он не раз жертвовал кровью и жизнью своих сынов за дело свободы и демократии. Наш народ крепок и знает, что он не одинок; за его спиной стоит Советский Союз и великий Сталин, с ним весь лагерь мира и все прогрессивное человечество. Поэтому, веря в счастливое будущее, он напряженно борется, самоотверженно трудится и победит.

Товарищи судьи!

Перед вами шесть обвиняемых — Пренг Дода, Ник Прес Рудай, Тоди Коровеши, Азис Кара, Мухаррем Язеджиу и Ариф Дука. Все они ненавистные шпионы, агенты и убийцы на службе югославской УДБ, бандиты из состава бригад черной реакции, преступники и убийцы, работающие в пользу поджигателей войны.

При установлении виновности обвиняемых вам предстоит учесть преступные намерения хозяев, которым они служили, мрачное прошлое подсудимых, их непрерывную борьбу против албанского народа, преступления, признанные и непризнанные ими, содеянные и не содеянные ими только потому, что это им почему-либо не удалось.

Рассматривая преступную деятельность Пренга Дода, помните, что это бывший карабинер, старший унтер-офицер гестапо, член национал-социалистической партии, преступник, служивший в ее террористических отрядах, маршировавший с автоматическим ружьем на плечах в поисках смерти и крови. Судите его, как закоренелого преступника, который ни

перед чем не останавливается, убивает за ничто, где и когда это ему вздумается, судите его как преступного агента УДБ, который в ее руках превратился бы в конечном итоге в настоящего хищного зверя.

Когда же вы перейдете к решению участи Ника Прес Рудай, не забудьте горячо любимого сына албанского народа, славного сержанта Ндуе Марку, доблестно сражавшегося и павшего смертью храбрых на защите священных границ родины. Его нет больше в живых. Его останки покоятся в черной земле по милости этого кровопийцы. Но я чувствую его присутствие. Он здесь, рядом со мною. Искалеченная, иссохшая рука мертвеца протянута в сторону убийцы Ника Прес Рудай, она требует от вас возмездия. Товарищи судьи, моими устами звучит голос доблестного защитника родины, взывающий к мести и справедливости.

Преступления, совершенные обвиняемыми, предусмотрены ст. 2 закона No. 372 от 12/ХП/1946 о правонарушениях, направленных против народа и государства, ст. 3, пунктами 3, 10, 12 того же закона и ст. 5 закона No. 435 от 27/V/1947 и наказуются согласно ст. 4 закона о правонарушениях, направленных против народа и государства. Учитывая имеющиеся в отношении обвиняемых Пренга Дода и Ника Прес Рудай особо отягощающие вину обстоятельства, я прошу признать всех подсудимых виновными и применить к ним следующие санкции:

1) к НИКУ ПРЕС РУДАЙ — смертную казнь и пожизненное лишение гражданских прав.

2) к ПРЕНГУ ДОДА — смертную казнь и пожизненное лишение гражданских прав.

3) к ТОДИ КОРОВЕШИ — 20 лет лишения свободы и каторжных работ с лишением гражданских прав на 5 лет согласно ст. 37, пунктам а, б, в, г и д. Уголовного Кодекса.

4) к АЗИСУ КАРА — 15 лет лишения свободы и каторжных работ с лишением гражданских прав на 5 лет согласно ст. 37, пунктам а, б, в, г и д Уголовного Кодекса.

5) к МУХАРРЕМУ ЯЗЕДЖИУ — 15 лет лишения свободы и каторжных работ с лишением гражданских прав на 4 года согласно ст. 37, пунктам а, б, в, г и д Уголовного Кодекса.

6) к АРИФУ ДУКА — 5 лет лишения свободы и каторжных работ с лишением гражданских прав на 2 года согласно ст. 37, пунктам а, б, в Уголовного Кодекса.

Прошу постановить конфискацию движимого и недвижимого имущества всех обвиняемых.

Для Ника Прес Рудай прошу применить смертную казнь через повешение, а для Пренга Дода — расстрел.

РЕЧИ ЗАЩИТНИКОВ

Председатель Верховного военного трибунала, подполковник Шуаип Панарити, предоставляет слово защите.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМЫХ ПРЕНГА ДОДА и АЗИСА КАРА КОЧО ДИЛО

Господа судьи!

Наш народ, а вместе с ним честная и прогрессивная общественность всех стран с особым интересом следит за всеми фазами настоящего процесса агентов-диверсантов, наемников белградских фашистов. Слушание дела близится к концу. Положение защиты на этом процессе, приведшем на скамью подсудимых людей, обвиняемых в тяжелых преступлениях, шпионаже и диверсии, чрезвычайно затруднительно. Ведь с полным правом можно спросить: следует ли, допустимо ли защищать подсудимых, на которых лежат столь тяжелые обвинения? Но наше назначение, наш профессиональный долг возлагают на нас эту трудную задачу, и наше дело — исполнить ее добросовестно.

Мы совершенно согласны с господином прокурором, давшим в своей обвинительной речи глубокий политический анализ дела. Мы совершенно согласны, что рядом с обвиняемыми, на скамье подсудимых, находятся белградские бандиты и их покровители — запачканные кровью империалисты, организовавшие эти преступления, толкнувшие на них и руководившие этими людьми. Они завербовали грязные, воспитанные в арсенале фашизма и нацизма элементы, использовав их для гнусной борьбы против нашей народной республики. Они безжалостно проэксплуатировали и использовали слабости подсудимых. Бандиты пустили в ход гангстерские методы воздействия и шантажа, чтобы сделать из этих людей шпионов и изменников.

Но слушание дела с новой силой выявило нерушимое, как гранит, моральное и политическое единство нашего доблестного народа, тесно сплоченного вокруг своей трудовой партии и ее любимого вождя, генерала армии Энвера Ходжа, и обрекавшего на позорный провал все вражеские происки белградских бандитов. Наш народ глубоко презирает и ненавидит фашистов Белграда, врагов прогрессивного человечества и низких слуг американско-английских империалистов. Напрасно стараются янычары Ранковича; их тлетворной пропаганде никогда не проникнуть в здоровый организм нашего народа. Их листовки обречены на гниение в зарослях нашей границы, а их шпионов и диверсантов неизбежно ждет скамья подсудимых.

Мы хорошо знаем и твердо убеждены, что близок тот день, когда белградским бандитам придется отдать отчет в своих действиях и понести справедливое наказание за свои преступления против прогрессивного человечества.

Но так как установлено, что часть ответственности за преступления, в которых обвиняются мои подзащитные Пренг Дода и Азис Кара, падает на Белград, я прошу суд, при определении ответственности каждого из них, учесть эти смягчающие их вину обстоятельства.

Из моих подзащитных Пренг Дода — большой преступник. Большинство преступлений, в которых он обвиняется, вполне доказано. На его совести — тяжкие преступления, но в конечном счете он является жертвой своего несчастного наци-фашистского воспитания и был всего на всего слепым орудием главных бандитов, которые находятся в Белграде и которые сумели воспользоваться его скверными наклонностями и слабостью характера и превратить в орудие исполнения своих преступных планов против нашей родины. Поэтому я прошу суд, при определении наказания, принять во внимание смягчающие вину обстоятельства и вынести Пренгу Дода милостивый приговор.

Что касается Азиса Кара, то основные факты, отвечающие пунктам а, б, в и г обвинительного акта, следует считать доказанными как судебным следствием, так и искренними признаниями подсудимого. Но обвинение в военных преступлениях мне кажется недостаточно обоснованным. Помимо того обстоятельства, что подсудимый служил в квестуре во время итальянских оккупантов, в деле нет определенных доказательств его соучастия с палачами Яни Кристо, Маном Кукалеш и другими в их преступлениях против народа и борцов за свободу. По этой причине я прошу суд снять с него этот пункт обвинения.

Что касается наказания Азиса Кара за другие преступления, то я прошу суд учесть искреннее раскаяние подсудимого, а также и то, что он сам отдал себя в руки органов государственной безопасности, и применить к нему 6-ую статью закона Но. 372 от 12.XII.1946 года в связи с 60-ой статьей Уголовного Кодекса.

В заключение позвольте мне выразить надежду, что приговор, который вынесут господа судьи, будет приговором всего нашего маленького, но доблестного народа против тех, кто тайно, из-за спины, посягает на его мирный труд, против всех тех, кто пытается оторвать его от доблестного Советского Союза и единого фронта мира и социализма.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМЫХ ТОДИ КОРОВЕШИ И АРИФА ДУКА А. ТОТОЗАНИ

Изложив преступления против родины, совершенные Тоди Коровеши, защитник подчеркнул, что заявление, вырванное у его подзащитного органами югославской охранки и подписанное им под пыткой в застенках УДБ в ужасающей обстановке террора и угроз, не должно отягощать уголовной ответственности подсудимого. Оно не было дано по доброй воле. Правонарушение, совершенное при таких обстоятельствах, не подлежит уголовному наказанию.

Подсудимый заслуживает снисхождения — сказал адвокат Тотозани — потому что он оказал сопротивление чину охранного отделения Иовану, требовавшему от него нанесения оскорблений служащим Албанского посольства, требовавшему, чтобы подсудимый стрелял в этих служащих. Отсюда напрашивается логический вывод, что диверсионные акты против внешней безопасности Народной Республики Албания, в которых обвиняется подсудимый, совершены им по наущению троцкистов, под давлением силы и протии воли моего подзащитного.

Что касается Арифа Дука, то защитник заявил, что лежащее на нем обвинение вполне доказано и он действительно был шпионом югославских троцкистов. Однако, принимая во внимание, что подосланный в Албанию подсудимый раскаялся в своем отвратительном поведении и неповинен ни во вредительстве, ни в диверсии, защитник просит суд вынести ему оправдательный приговор или же приговорить его к легкому условному наказанию.

После этого председатель предоставляет слово адвокату Кола Димитри, защитнику подсудимых Ника Прес Рудай и Мухаррема Яезджи.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА КОЛА ДИМИТРИ

Господа судьи!

Я прежде всего хочу высказать всему составу Верховного трибунала и в особенности его председателю свое восхищение совершенной беспристрастностью и хладнокровием, с которыми ведется этот процесс, имеющий большое национальное и международное значение. Не могу обойти молчанием и выступления государственного обвинителя, с редким мастерством, блестяще выполнившего свою тяжелую миссию перед народным правосудием. Я не отрицаю того, что мои подзащитные совершили тяжкие преступления против интересов нашей республики. Но внимательный анализ дела приводит нас к убеждению, что причиной их поступков является враждебная деятельность белградской клики, использующей против нашего строя народной демократии свое излюбленное оружие: пропаганду и давление.

Пользуясь пропагандой и клеветой, клика Тито, этого изменника истинному марксистско-ленинско-сталинскому социализму, заставляет слабых, неустойчивых, недалезорких людей верить всякому вздору и бежать в Югославию, где их ожидают заступ и тюрьма. Чтобы избежать тюрьмы, надо стать агентами УДБ и работать против своей родины, тайком проникать в Албанию и заниматься на ее территории вредительством, убийствами и прочими преступлениями по указке той же разведки.

К таким несчастным принадлежат и мои подзащитные Ник Прес Рудай и Мухаррем Яезджи, которым не удалось устоять против домогательств УДБ; они стали югославскими агентами, исполнителями преступных приказаний белградской охранки. Югославская УДБ в своих целях широко

пользуется гнусным средством нажима для вербовки людей, в которых она нуждается для борьбы против нашего социалистического режима.

Господа судьи, из уст подсудимого Ариффа Дука вы слышали до чего может дойти давление этой кровавой агентуры.

Мои подзащитные — жертвы титовской охранки на службе американо-английского капитализма.

Несмотря на методы нажима, титовским террористам из УДБ никогда не удастся сломить сопротивление албанского народа, пока на страже наших границ бдительно стоят такие герои, как Ндуе Марку, как тысячи пограничников, готовых скорее пожертвовать жизнью, чем допустить потерю завоеваний албанского народа на пути марксистско-ленинско-сталинского социализма.

Преклоняясь перед прахом сержанте Ндуе Марку и отдавая последний долг герою, пожертвовавшему жизнью за священное дело нашего доблестного народа, мы не должны забывать и других жертв противника, попавших в лапы югославской охранки, как это случилось с моими подзащитными Ником Прес Рудай и Мухарремом Язеджу. Вы должны сжалиться над ними, зная, что ваша снисходительность, ваше великодушие могут спасти их от той пропасти, в которую их бросила преступная рука югославской УДБ.

Итак, я прошу Верховный военный трибунал не выносить моим подзащитным Нику Прес Рудай и Мухаррему Язеджу слишком строгого приговора, и, в особенности, не определять для них высшей меры наказания.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ

Председатель: Предоставляю последнее слово подсудимым. Пренг Дода, слово дается вам.

Пренг Дода: Я глубоко убежден, что суд, зная причины, заставившие меня поступить на службу Югославии, соблаговолит отнестись ко мне с состраданием. Мне не остается другого выхода, как обратиться к его великодушию.

Председатель: Азис Кара, приблизьтесь.

Азис Кара: Я виновен в измене моей родине. Каков бы ни был вынесенный мне приговор, я буду считать его справедливым. Все же я надеюсь, что суд оценит мое раскаяние и признает смягчающие вину обстоятельства.

Председатель: Тоди Коровеши.

Тоди Коровеши: Я понял свою вину, как только покинул Прагу. Прошу суд принять во внимание сопротивление, оказанное мною офицеру югославской охранки, толкавшему меня на бандитизм и провокацию против моей родины. Я прошу справедливой оценки моего поступка и справедливого наказания.

Председатель: Ник Прес Рудай.

Ник Прес Рудай: Я прошу суд простить мне совершенный мною тяжелейший поступок и пожалеть меня.

Председатель: Ариф Дука.

Ариф Дука: Я считаю себя невиновным. Хотя югославская УДБ и дала мне задание произвести диверсию против внешней безопасности Народной Республики Албания, я честно донес албанским властям о преступных планах, которые мне было поручено исполнить белградскими троцкистами.

Председатель: Мухаррем Язеджиу.

Мухаррем Язеджиу: Господин председатель, я виновен в побеге в Югославию, но я не согласился стать шпионом.

Председатель: Желает ли слова товарищ прокурор?

Прокурор: Мне нечего добавить к сказанному.

ПРИГОВОР

Именем албанского народа

Верховный военный суд в составе председателя — подполковника Шуаипа Панарити, и членов капитана Нонда Папули и капитана Хидай Бейо, с участием военного прокурора Народной армии подполковника Сири Чарчани, при старшем секретаре суда младшем лейтенанте Тома Рино, вынес сегодня, 6.V.1950 г., нижеследующий

ПРИГОВОР

по делу обвиняемых 1. *Пренга Дода*, 2. *Азиса Кара*, 3. *Тоди Коровеши*, 4. *Арифа Дука*, 5. *Ника Прес Рудай* и 6. *Мухаррема Язеджиу*, первые, два представленные защитником Кочо Дило, третий и четвертый защитником Аристидом Тотозани, пятый и шестой защитником Колом Димитри, зарегистрированному за No. 8 в главной ведомости на 1950 год.

Обвинительным актом военной прокуратуры Народной армии за No. 26 от 26.IV.1950 года подсудимые обвиняются в преступлениях против народа и государства, совершенных ими в качестве агентов югославской УДБ, в частности Пренг Дода и Азис Кара в военных преступлениях и Ник Прес Рудай в убийстве сержанта Ндуре Марку при исполнении им служебных обязанностей и в ввозе и попытке к вывозу большого количества денежных знаков, т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями 2 и 3, пунктами 3, 10 и 12 закона No. 372 от 12.XII.1946 года; Пренг Дода в растрате, т. е. в преступлении, предусмотренном статьей 5 закона No. 435 от 27.V.1947 года, и Ник Прес Рудай в ввозе и попытке к вывозу денежных знаков, т. е. в нарушении постановления Министерства финансов за No. 16 от 23.XI.1946 года.

К концу слушавшегося при открытых дверях процесса и в присутствии обвиняемых военный прокурор Народной армии потребовал признать виновными и приговорить обвиняемых:

1. *Ника Прес Рудай* к смертной казни через повешение и пожизненному лишению гражданских прав.

2. *Пренга Дода* к расстрелу и пожизненному лишению гражданских прав.

3. *Тоди Коровеши* к 20-ти годам лишения свободы и каторжным работам и к лишению гражданских прав сроком на 5 лет согласно статье 37, пунктам а, б, в, г Уголовного Кодекса.

4. *Азиса Кара* к 15 годам лишения свободы и каторжным работам и лишению гражданских прав сроком на 5 лет согласно статье 37, пунктам а, б, в, г Уголовного Кодекса.

5. *Мухаррема Язеджиу* к 10 годам лишения свободы и каторжным работам и к лишению гражданских прав сроком на 4 года согласно статье 37, пунктам а, б, в, г Уголовного Кодекса.

6. *Ариффа Дука* к 5 годам лишения свободы и каторжным работам и лишению гражданских прав сроком на 2 года согласно статье 37, пунктам а, б, в Уголовного Кодекса.

Прокурор потребовал также конфискации всего движимого и недвижимого имущества обвиняемых.

Обвиняемые и их защитники просили смягчения наказания, взывая к милосердию суда, а некоторые из обвиняемых просили оправдания.

После рассмотрения, разбора и обсуждения дела суд

установил,

что фашистская клика шпионов Тито-Ранковича вербует своих агентов среди отбросов гестапо, квестуры и эксплуататорских классов и посылает их в Народную Республику Албания для совершения диверсионных актов, шпионажа, подрывной деятельности, пропаганды, для побуждения населения к бегству и совершению террористических убийств.

Белградские бандиты превратили Югославию в агентуру американо-английского империализма, где они организуют и обучают шпионов и диверсантов, рассылая их затем в страны народной демократии.

Следуя указаниям своих империалистических хозяев, этот очаг шпионажа и предательства вербует на службу УДБ не только прежних югославских шпионов, но также все подонки нашей страны, бывшие на службе итальянской жандармерии и фашистской гестапо.

Действуя против Советского Союза и стран народной демократии, белградские фашисты ведут непрерывную вредительскую работу и против нашей страны. В борьбе против нашей народной республики они применяли и продолжают применять самые разнообразные методы шпионажа, диверсии, саботажа и провокации с целью покончить с независимостью нашей родины.

Посылка этих шпионов в Албанию является продолжением давнишней враждебной и преступной политики отрыва нашей страны от лагеря мира и социализма, возглавляемого доблестным и непобедимым Советским Союзом.

Но преступные происки Белграда позорно провалились благодаря

геройскому сопротивлению нашего народа, его верности правильной линии Албанской трудовой партии и ее мудрому руководителю генералу армии Энверу Ходжа. Враги нашей страны не могут разрушить политического и морального единства нашего народа, не могут сломить его воли самоотверженно служить правому делу мира и демократии. Новоиспеченные белградские фашисты не в силах найти сотрудников в рядах нашего народа; поэтому они вынуждены набирать себе исполнителей среди немногочисленных отбросов, вчера еще служивших гестапо и германской фашистской оккупации. Только в этой среде кровавая УДБ Ранковича может находить агентов для дальнейшей преступной борьбы против нашей страны.

В лице шести обвиняемых Пренга Дода, Азиса Кара, Тоди Коровеши, Ника Прес Рудай, Арифа Дука и Мухаррема Язеджиу титовская клика и ее УДБ нашли отъявленных шпионов, необходимых им для осуществления своих преступных замыслов. Это обломки кадров гестапо, квестуры, Балли Комбетара, Легалитети и бездомные авантюристы, поступающие на услужение белградской агентуре империалистов.

Все обвиняемые надежные исполнители приказов и инструкций УДБ в ее вредительской работе в нашей стране; они совершали убийства и преступления против нашего народа и государства, занимаясь диверсионной и подрывной деятельностью против нашей народной республики. Они стали агентами УДБ и отреклись от родины. Они хорошо сознавали какие темные и преступные планы против албанского народа разрабатывает и приводит в исполнение фашистская клика Тито, и несмотря на это они служили врагу нашего народа, врагу демократии, социализма и мира., В своей профашистской, преступной и кровавой деятельности отщепенцев родины они не сотрудничали непосредственно между собой, за исключением двух обвиняемых Пренга Дода и Азиса Кара, но все они связаны были общей целью, теми же низкими, шпионскими методами и той же ярко выраженной преступностью, находящей поддержку в УДБ, направлявшей и руководившей их работой. Эта связь и общность цели в совершении преступлений являются законной базой и обосновывают одновременное предание суду всех шести обвиняемых. Точно также организаторов и вдохновителей их преступной деятельности нужно искать в лице палачей югославского народа, в империалистической агентуре, в югославской УДБ. Но каждый обвиняемый должен понести уголовную ответственность за совершенные непосредственно преступления, направленные против целостности государственного строя и внешней безопасности государства. Степень виновности и тяжесть преступления устанавливаются для каждого обвиняемого в отдельности с учетом его вредительской работы, причиненного его деятельностью вреда и его решимости бороться с народной властью и лагерем социализма.

Разбор преступлений, совершенных каждым из обвиняемых, определяет степень этой виновности.

Пренг Дода совершил военные преступления. Свое назначение на спе-

циальную службу в чине старшего унтер-офицера гестапо в момент, когда албанский народ упорно боролся с германскими оккупантами, он мог заслужить только своей жестокостью, пытками и убийствами мучеников за свободу. Получив воспитание и выучку на курсах СС в Гамбурге, он стал полезным агентом в руках врагов народа, в руках фашистов всех оттенков.

Поэтому югославский майор Байо Джуранович завербовывает его в Корче и по поручению УДБ использует в своих враждебных целях в Албании.

После разоблачения предательства Тито, Пренг Дода продолжает свою вредительскую работу в Шкодере, занимается пропагандой против народной власти и против Резолюции Информационного Бюро, побуждает людей бежать в Югославию и вместе с Азисом Кара в марте 1949 года скрывается в Югославию. Незадолго до этого он производит в Шкодере растрату материалов и продовольственных продуктов, принадлежащих Красному Кресту, где служит, и помогает одному крестьянину незаконно получить 18 000 лек из кассы Албанского Красного Креста.

Его деятельность в Югославии проходит под знаком безграничной преданности своим новым фашистским хозяевам. Он старательно доставляет УДБ военные, политические и экономические информации и безоговорочно предоставляет себя в их распоряжение. Он становится шпионом и верным агентом УДБ. Пренг, не задумываясь, соглашается исполнить приказание майора югославской разведки в Подгорице вернуться в Албанию с заданием распространить пропагандный материал, собрать информации, повести пропаганду в пользу титовской Югославии и завербовать и переправить в Югославию недовольных режимом. Вооруженный ручными гранатами и пропагандным материалом клеветнического и провокационного характера по адресу Советского Союза, лагеря социализма и нашей народной республики, полученным от УДБ, он вместе с Азисом Кара возвращается в Албанию. В ночь на 6.IV.1949 года он разбрасывает листовки в городе Шкодер. Но в эту ночь его арестовывают органы государственной безопасности. Даже после ареста обвиняемый пытается продолжать свою работу агента и старается наладить связь с югославской агентурой, пользуясь шифром под кличкой „Т. И.“, присвоенной ему УДБ.

Азис Кара также виновен в военных преступлениях. Многочисленные услуги, оказанные им итальянским фашистским оккупантам, его служба в чине сержанта в Тиранской квестуре летом 1943 года, где он состоял начальником тюрьмы, в которой пытали и убивали борцов за свободу, а также сотрудничество с отъявленными преступниками, как Ман Кукалещи, Яни Кристо и т. п., характеризуют его, как опасного военного преступника.

Его дальнейшая вредительская деятельность, его поступление на службу УДБ, как агента фашистской белградской клики, его шпионская, пропагандная и агитационная деятельность против народной власти — все это тяжелые

преступления, совершенные в сообщничестве с обвиняемым Пренгом Дода; они имеют ту же форму, тот же опасный характер и те же последствия.

Азис Кара отдался добровольно в руки органов государственной безопасности не под влиянием раскаяния или угрызений совести, а просто из утилитарных соображений; все же это меняет степень его виновности по сравнению с Пренгом Дода и является смягчающим вину обстоятельством, которое будет учтено судом при установлении наказания.

Происхождение Ника Прес Рудай и среда, к которой он принадлежит, сделали из него грязного и опасного агента УДБ и врага нашей страны. Вооруженный винтовкой, он трижды тайно переходит границу нашей народной республики для совершения преступлений, диверсионных актов и пропаганды. Он ввозит пропагандный материал, он усиленно пытается создать агентуры и шпионские базы у своих родственников Тома Гьергьи и Луиджи Гьергьи, он старается связаться с бежавшим преступником Николлом Гьета, чтобы побудить его к преступным действиям против целостности государственного строя. Он ввозит из Югославии 156 000 лек для обмена в государственном банке и сдачи их УДБ. Но ему не удается осуществить своего намерения, так как его арестовывают органы государственной безопасности. 8 октября 1949 года он убивает сержанта пограничника Ндуе Марку при исполнении им служебных обязанностей.

Гнусная деятельность и чудовищное преступление обвиняемого отражают ненависть и враждебность этого кулака к народной власти: они свидетельствуют о том, насколько опасны для нашей страны методы работы, провокационные действия и преступления УДБ Ранковича, действующей по указке американско-английских империалистов.

Тоди Коровеши связывается с югославским представительством в Праге, где он учился; при его поддержке он прибывает в Югославию, чтобы стать шпионом и агентом УДБ. В Белграде, в присутствии служащего Министерства внутренних дел и УДБ Иована, он подписывает обязательство сотрудничества и верной службы в качестве агента под кличкой „Дайти“; он дает информации об организации трудовой партии среди албанских студентов в Праге, о нашем внутреннем положении и ряд других нужных титовцам в их вредительской работе сведений.

Он пытается собрать сведения о нашем представительстве в Белграде, чтобы передать их Иовану; его заключают в тюрьму, как агента провокатора, чтобы шпионить за югославскими коммунистами-интернационалистами, которые томятся в застенках Ранковича.

УДБ ценит услуги Тоди Коровеши и считает его настолько надежным агентом, что Иован предлагает ему убить нашего дипломатического представителя в Белграде. Его колебание и отказ пойти на это опасное преступление, которое могло вызвать осложнения международного характера, помешало осуществлению чудовищного плана, который был бы только наруку поджигателям войны.

Мухаррем Язеджиу, как бывший солдат императорской гвардии в Риме и в прошлом башибузук на службе Балли Комбетара, находит много точек соприкосновения с титовскими фашистами и бежит в Югославию в декабре 1948 года. Он занимается шпионажем, доставляет информации о наших пограничниках, становится агентом УДБ и по ее указанию возвращается в Албанию с поручением развернуть пропаганду и побуждать всех недоброжелательных реформами народной власти и все враждебно настроенные элементы бежать в Югославию. Он преданно несет службу агента УДБ, ведет пропаганду и побуждает людей бежать в Югославию, организует целые группы вредителей и помогает им при переходе границы. Бегство группы Томора Ипи и его сообщников могло совершиться только благодаря помощи обвиняемого Мухаррема Язеджиу.

Ариф Дука был завербован УДБ в качестве агента и информатора. Чувствуя склонность к этой работе и побывав в рядах сторонников Хисни Дема, где он прошел соответствующую подготовку, он занимается шпионажем во вред югославского народа.

Но эта сторона его деятельности, хотя и характеризует его, как опасного человека, не подсудна законам нашей республики; ему предстоит дать отчет в ней перед судом югославского народа, когда последний сочтет белградскую фашистскую клику и снова завоеует свободу. Перед нашим судом обвиняемый Ариф Дука несет уголовную ответственность за совершенные им в интересах УДБ, против нашего народа и государства, преступные действия. Одним из таких преступных действий является данное им лейтенанту УДБ Стафу Ллешу согласие отправиться в Албанию для совершения диверсионных актов. Он приступает к делу и предлагает Билалу Мьештери сотрудничать с ним во вредительской, направленной против нашей родины, работе. Отказ этого последнего принудил обвиняемого бросить задуманное им дело. Но его готовность совершить преступление против государства и народа наказуется как подготовительное действие к совершению преступления против Народной Республики Албания и делает обвиняемого виновным. Давление и угрозы агента УДБ Стафа Ллешу, пытавшегося убедить его взять на себя это поручение, и то обстоятельство, что преступление осталось в своей подготовительной фазе, являются смягчающими вину обстоятельствами и обосновывают низшую меру наказания.

Социально опасный характер этих преступлений не ограничивается только вредными последствиями, вызванными поступками каждого из обвиняемых. Он не может быть правильно оценен в отрыве от вредительской работы и преступных планов белградских троцкистов. Суд рассматривает преступную деятельность подсудимых с точки зрения опасности, которую представляет для независимости Народной Республики Албания и лагеря социализма белградская империалистическая агентура.

Фашистская клика Тито-Ранковича стала опасным гнездом, разжига-

ющим и непрерывно старающимся развязать новую войну. По плану американо-английского империализма ей предстоит играть роль штурмового батальона против нашей страны и стран народной демократии.

Она клеветает и пытается опорочить доблестный Советский Союз. Преступными действиями и вредительской деятельностью она старается подорвать независимость нашей страны. Поэтому всякий, оказывающий хотя бы незначительную помощь этим заклятым врагам нашей родины, непосредственно вредит государственной безопасности и становится опорой и поддержкой в работе, могущей иметь тяжелые последствия для свободы и независимости Народной Республики Албания.

Своей деятельностью и услугами, оказанными югославской УДБ, подсудимые стали на сторону наших врагов, присоединились к поджигателям войны и помогли осуществлению планов империалистов, направленных против мира на Балканах.

Особенно Пренг Дода, своим решением служить УДБ и своей работой в качестве верного шпиона и агента своих хозяев, распространявшего пропагандный материал, целым рядом взятых на себя преступных обязательств против нашей страны, тем, что он был вооружен фашистами против нашего народа и армии, олицетворяет прообраз своих хозяев — гнусных, прогнивших и опасных белградских бандитов. Суд считает, что по смыслу последнего абзаца 1-го пункта статьи 4 закона No. 372 от 12.XII.1946 года о правонарушениях, направленных против народа и государства, характер его деятельности и его решение бороться против народной республики представляют особые, отягощающие его вину, обстоятельства.

Также и Ник Прес Рудай, своим чудовищным поступком, — убийством сержанта пограничника Ндуе Марку, — заслуживает квалификации опасного преступника и применения вышеуказанных законоположений.

Суд учитывает достоверность указанных фактов и обстоятельств и устанавливает виновность подсудимых на основе богатого обвинительного материала, представленного во время слушания дела. Заявления обвиняемых на суде выявили обоснованность предъявленных обвинений: последние признали все главные преступления, за исключением ничтожной части таковых. Но ими же выдвинутые факты доказывают их виновность в преступлениях, которые они отрицают. Подсудимые Пренг Дода и Азис Кара не признают совершенных ими деяний; но их заявления, подтверждающие их поведение во время иностранной оккупации, — сотрудничество с оккупантами и изменниками родины, ответственные места и чины, полученные в рядах оккупационной армии, сношения с известными преступниками, определенные функции и потворство преступлению, пыткам и убийствам, — полностью доказывают обоснованность предъявленного им обвинения. Эти факты опровергают мнение защитника Азиса Кара, считающего необоснованным обвинение в военных преступлениях. По смыслу статьи 3

закона о правонарушениях, направленных против народа и государства, деятельность обвиняемого Азиса Кара надо полностью отнести к категориям военных преступлений.

Точно также отрицание обвиняемого Арифа Дука и заявление его защитника об отсутствии в данном случае элементов виновности суд считает необоснованными, а виновность подсудимого установленной фактами, изложенными самим подсудимым. Согласие обвиняемого вернуться в Албанию по распоряжению УДБ для совершения диверсионных актов и предложение, сделанное им Билалу Мьештери о сотрудничестве с ним — являются достаточными доказательствами его виновности в подготовительных действиях, направленных против народа и государства. Отказ подсудимого совершить фактически преступление и его возвращение в Албанию, чтобы спастись от угроз и преследований офицеров УДБ, не должны рассматриваться как добровольные поступки, а объясняются тяжелым положением, созданным для него после отказа Билала Мьештери в сотрудничестве. В этих условиях не может быть применена статья 23 Уголовного Кодекса для его оправдания.

Просьба защитника обвиняемого Тоди Коровеши об уменьшении и ограничении его уголовной ответственности, основанная на том, что тяжелые личные обстоятельства принудили его стать шпионом и агентом и подписать заявление о сотрудничестве с УДБ, не подтверждаются фактами, изложенными самим подсудимым во время слушания дела. Зная его близкие отношения с представителем УДБ Ивановом, предложившим ему убить нашего дипломатического представителя в Белграде, нельзя допустить, чтобы Тоди Коровеши, добровольно отправившийся во враждебную страну и ставший ее агентом под кличкой „Дайти“, очутился в тяжелом материальном положении. Суд считает поэтому, что вся его деятельность протекала в атмосфере сотрудничества и взаимного доверия со служащими УДБ.

Протоколы следствия, показания Азиса Кара против подсудимого Пренга Дода, заявления на суде свидетелей Тома Гьергьи, Асллана Хоти и Луиджи Гьергьи, материальные доказательства, — найденная после преступления винтовка, которой Ник Прес Рудай совершил убийство, пропагандный материал, захваченный у Пренга Дода, и 156 000 лек, отобранные у Ника Прес Рудай, — составляют неоспоримые доказательства, подтверждающие признания обвиняемых и точно отображающие ход событий. Эти факты неопровержимо свидетельствуют о виновности подсудимого Ника Прес Рудай в убийстве сержанта Ндуе Марку, в чем суд полностью убедился. Поэтому отрицание им вины, несмотря на неоспоримость доказательств и достоверность фактов, не основательно и объясняется желанием обвиняемого избежать уголовной ответственности:

Вышеуказанные поступки обвиняемых являются преступлениями и квалифицируются следующим образом:

1. Поступление на службу УДБ и преступная деятельность против

народа и государства в качестве агента белградской фашистской клики составляет преступление, предусмотренное статьей 2 закона о правонарушениях, направленных против народа и государства.

2. Шпионаж — преступление, предусмотренное статьей 3, пунктом 10 того же закона.

3. Пропагандно-агитационная деятельность — статьей 8 того же закона.

4. Подготовительные действия ввиду совершения преступлений против целостности государственного строя и внешней безопасности Народной Республики Албания — статьей 2 того же закона в связи со статьей 20 Уголовного Кодекса.

5. Содействие бегству враждебных элементов за границу — статьей 2 указанного закона.

6. Военные преступления — статьей 3, пунктом 3 того же закона.

7. Растрата средств общественной организации и содействие незаконному обогащению третьих лиц за ее счет — статьей 5 закона No. 435 от 27.V.1947 года и

8. Ввоз и попытка к вывозу денежных знаков — постановлением No. 16 от 23.XI.1946 года Министерства финансов в связи со статьей 15 закона No. 373 от 12.XII.1946 года.

По названным выше причинам и в соответствии с вышеизложенными законоположениями суд соглашается с обвинительным заключением прокурора Народной армии и единогласно выносит следующий

ПРИГОВОР

1. Суд признает виновным Пренга Николл Дода в поступлении на службу югославской УДБ и в совершении преступных действий против народа и государства в качестве агента белградской фашистской клики и приговаривает его к смертной казни и поражению всех гражданских прав согласно статье 4, последнему абзацу первого параграфа закона No. 372 от 12.XII.1946 года; признает его виновным в шпионаже и приговаривает согласно статье 4 того же закона к 8 годам лишения свободы и каторжным работам; за пропаганду и агитацию приговаривает его к 15 годам лишения свободы и каторжным работам согласно статье 8 того же закона; за военные преступления — к 6 годам лишения свободы и каторжным работам согласно статье 4 того же закона; за растрату и содействие незаконному обогащению третьих лиц за счет имущества Албанского Красного Креста — к 5 годам лишения свободы и каторжным работам согласно статье 5 закона No. 435.

Учитывая, что основным наказанием является смертная казнь и поражение всех гражданских прав, суд не находит в данном случае оснований для совокупности наказаний, вытекающей из статьи 66 Уголовного Кодекса.

2. Суд признает виновным Ника Прес Рудай в убийстве сержанта Ндуе

Марку при исполнении служебных обязанностей и, согласно статье 4, последнему абзацу первого параграфа закона No. 372 от 12.XII.1946 года, приговаривает его к смертной казни и поражению всех гражданских прав; признает его виновным в совершении преступлений против целостности государственного строя и внешней безопасности Народной Республики Албания в качестве агента УДБ и приговаривает к 20 годам лишения свободы и каторжным работам согласно статье 4 того же закона; признает его виновным в ввозе и попытке к вывозу известного количества денежных знаков и приговаривает его к 4 годам лишения свободы и каторжным работам согласно статье 15 закона No. 373 от 12.XII.1946 года.

Учитывая, что основным наказанием является смертная казнь и поражение всех гражданских прав, суд не находит оснований для совокупности наказаний, предусмотренной статьей 66 Уголовного Кодекса.

3. Суд признает виновным Тоди Тома Коровеши в поступлении на службу УДБ и в совершении преступлений против народа и государства в качестве агента белградской фашистской клики и приговаривает его на основании статьи 4 закона No. 372 к 10-ти годам лишения свободы и каторжным работам; признает его виновным в шпионаже и приговаривает его на основании вышеуказанной статьи к 6 годам лишения свободы и каторжным работам.

Применяя статью 66 Уголовного Кодекса о совокупности преступлений, суд приговаривает его окончательно к 15 годам лишения свободы и каторжным работам и к лишению гражданских прав, сроком на 4 года, на основании параграфов а, б, в, г и д статьи 37 Уголовного Кодекса.

4. Суд признает виновным обвиняемого Азиса Кара в поступлении на службу югославской УДБ и совершении преступлений против народа и государства в качестве агента белградской фашистской клики и приговаривает его на основании статьи 4 вышеуказанного закона к 8-ми годам лишения свободы и каторжным работам; признает его виновным в шпионаже и согласно вышеуказанному закону приговаривает его к 6-ти годам лишения свободы и каторжным работам; признает его виновным в совершении военных преступлений и приговаривает его согласно этому закону к 5 годам лишения свободы и каторжным работам; признает его виновным в пропагандно-агитационной деятельности против государственной власти и приговаривает его на основании статьи 8 того же закона к 5 годам лишения свободы и каторжным работам.

На основании статьи 66 Уголовного Кодекса о совокупности преступлений суд приговаривает Азиса Кара окончательно к 12 годам лишения свободы и каторжным работам и к лишению гражданских прав, сроком на 4 года, предусмотренному пунктами а, б, в, г и д статьи 37 Уголовного Кодекса.

5. Суд признает виновным Мухаррема Демиралли Язеджиу в поступлении на службу югославской УДБ и совершении преступлений против на-

рода и государства в качестве агента белградской фашистской клики и приговаривает его, согласно статье 4 закона No. 372, к 8 годам лишения свободы и каторжным работам; признает его виновным в содействии побегу враждебных элементов в Югославию и приговаривает его согласно названным законоположениям к 5 годам лишения свободы и каторжным работам.

Согласно статье 66 Уголовного Кодекса о совокупности преступлений, суд приговаривает его окончательно к 10 годам лишения свободы и каторжным работам и к лишению гражданских прав, сроком на 3 года, на основании параграфов а, б, в, г и д статьи 37 Уголовного Кодекса.

6. Суд признает виновным обвиняемого Арифа Рамадана Дука в подготовительных действиях к совершению преступлений против албанского народа и приговаривает его на основании статьи 4 закона No. 372 от 12.XII.1946 г. к 3 годам лишения свободы и каторжным работам и к потере гражданских прав, сроком на 2 года, согласно пунктам а, б, в, г и д статьи 37 Уголовного Кодекса.

Суд постановляет конфискацию суммы в 156 000 лек, найденной при обвиняемом Нике Прес Рудай и являющейся материальным доказательством, а также конфискацию его винтовки.

Суд постановляет конфискацию всего имущества обвиняемых.

Высшей мерой наказания, к которой приговорены обвиняемые Пренг Дода и Ник Прес Рудай, суд определяет расстрел.

Настоящий приговор окончателен.

Тирана, 6-го мая 1950 года

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА
подполковник Шуаип Панарити

ЧЛЕНЫ СУДА

Капитан
Хидай Бейо

Капитан
Нонда Папули

